

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

ТОВАРИЩИ ОФИЦЕРЫ

Смерть Гудериану!

Олег Таругин

**Товарищи офицеры.
Смерть Гудериану!**

«Махров»

2015

Таругин О. В.

Товарищи офицеры. Смерть Гудериану! / О. В. Таругин —
«Махров», 2015

Самый необычный «попаданец» на Великую Отечественную! Георгиевский кавалер становится Героем Советского Союза. Белый офицер поднимает красноармейцев в атаку «За Родину! За Сталина!». Еще вчера он дрался против «комиссаров» в охваченном Гражданской войной Крыму, а сегодня принимает бой против еще более страшного врага – гитлеровского Вермахта и войск СС. Перенесенный в 1941 год, готов ли поручик Дроздовского полка жертвовать жизнью за ненавистный СССР? Изменит ли прежнее отношение к «краснопузой сволочи», встав плечом к плечу с бойцами Красной Армии против «коричневой чумы»? Сможет ли сделать самый трудный выбор в жизни и ради спасения Родины поступиться былыми принципами? Сорвет ли вместе с товарищем из будущего немецкий Блицкриг, убив Гота и Гудериана? И будут ли красноармейцы идти на смерть под белогвардейский марш: Смело мы в бой пойдем за Русь Единую И как один умрем за Неделимую!

© Таругин О. В., 2015

© Махров, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Таругин

Товарищи офицеры. Смерть Гудериану!

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *П. Ильина*

© Таругин О., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и не имеют ничего общего с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru). Отдельная благодарность Борису Каминскому (Синицыну) за критику и помощь в работе над книгой. Спасибо большое, друзья!

Пролог

А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты...
В. Высоцкий

Заливавшая окрестности неестественно-резким, химическим светом осветительная ракета наконец догорела, и снова наступила темнота. Если немцы будут придерживаться прежнего графика, следующую следует ждать минут через пять-семь. Примерно столько времени нам и нужно, чтобы проползти очередные три десятка метров, поскольку двигаться быстрее с грузом никак не получалось. Да и оба наших пленных фон-барона прилично снижали темп движения: хоть и начали службу еще в Первую мировую, ползать на брюхе за прошедшие годы определенно разучились.

– Ну что, старшина, вперед? – Я легонько хлопнул Феклистова по голенищу сапога. – Если так и дальше пойдет, через три-четыре ракеты будем у своих – тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, конечно. И поосторожнее, запомнил, где у них колючка натянута? Смотри не запутайся, цепкая она, зараза. Мужики, остальных это тоже касается. Давай, Архип Петрович, время пошло.

– Добро, – пробасил старый артиллерист и сноровисто, словно показывая остальным, как правильно, пополз вперед, периодически замирая, чтобы проверить подозрительное место лезвием трофейного штыка. Конечно, вряд ли фрицы заминировали нейтралку: затяжных позиционных боев тут не велось, линия фронта двигалась каждые несколько дней, так что вражеских разведгрупп, шныряющих туда-сюда, бояться не приходилось, но и рисковать не хотелось. Оторванную руку или ногу даже артефакт Гурского, при всех его уникальных возможностях, обратно не пришьет. Но двигаться мы тем не менее старались не по прямой, а от воронки к воронке: уж там-то точно никаких противопехотных сюрпризов быть не может. Лишние метры и минуты, конечно, но лучше, как учит народная мудрость, перебдеть, чем недобдеть...

Следом за старшиной полз я, за мной Яша и поручик, затем пленные и остальные бойцы. Угловатый вещмешок с нашим главным трофеем я тащил лично, никому не доверяя ценный груз, то есть не тащил, конечно, а толкал перед собой. Вот так мы и двигались уже почти полчаса, или, если применять альтернативную меру исчисления времени, – четыре осветительные ракеты...

Неожиданно Феклистов замер, негромко звякнув чем-то металлическим, и по потной спине тут же побежали щекотливые мурашки: блин, неужели все-таки мина? Если да, сумеет ли старшина ее снять? Он все ж таки артиллерист, а не сапер. Сомнения развеял сам Архип Петрович, негромко сообщивший:

– Не бойсь, Виталий Батькович, то я проволку ножичком поддел, сейчас проход организую. Ты рогульки-то не потерял? Давай их сюдой...

Облегченно вздохнув, я прополз немного вперед и протянул старшине парочку заранее выломанных полуметровых палок с рогатинами на концах. Впереди снова негромко звякнуло: видимо, Феклистов приподнимал нижние ветви немецкой колючки, закрепляя их подпорками на такой высоте, чтобы в образовавшийся проход смог проползти человек. Провозившись еще минуты две, он удовлетворенно прошептал:

– Ну, вроде все. Только это, ползите аккуратно, тут немцы кое-где мины поставили, да к колючке привязали, а трогать их я поостерегся, никогда таких не видал, на банку консервну похожи. Ежели заденете проволку, может и ахнуть. Ты там передай остальным, чтобы, значит, поосторожнее...

Перемазанные глиной и засохшим болотным илом подошвы старшинских сапог снова пришли в движение: артиллерист проползал под колючим заграждением. Приготовившись

пропихнуть в узкий проход драгоценный сидор, за эти полчаса доставший меня по самое не могу, я замер, услышав со стороны немецких окопов знакомый хлопок ракетницы. Блин, вроде ж рано?! Торопливо уткнувшись физиономией в землю, застыл без движения, когда над головой повисла на парашютике проклятая «люстра» и окружающий мир снова стал черно-белым, словно старая фотография.

Томительно тянулись секунды. Отбрасываемые горячей алюминиево-магниевого смеси изломанные, излишне-четкие тени неторопливо ползли по земле, порой сплетаясь в причудливые узоры. Разумом я прекрасно понимал, что разглядеть нас на перепаханной воронками, заросшей травой и редкими островками кустарника земле весьма непросто. Но все равно не мог отделаться от навязчивого ощущения, будто лежу на идеально ровном голом поле и меня уже с любопытством рассматривает в прицел немецкий пулеметчик, лениво прикидывая, куда всадить первую пулю...

Наконец потемнело, и я, отсчитывая про себя секунды, пополз дальше, размышляя, что ж это за такие «консервные мины» и зачем фрицам их к колючей проволоке привязывать. Может, старшина никогда растяжек не видел? Так нет, в том-то и дело, что видел и даже устанавливать помогал, когда я эсэсовцам минный сюрприз в лесу готовил, еще и вопросами всю обратную дорогу мучил...

Пропихнув наконец угловатый сидор через проход, я пополз следом, напрягая глаза в попытке рассмотреть в слабеньком звездном свете смутившие старшину мины. А рассмотрев, лишь коротко выругался про себя: затейники-фрицы установили под проволочным заграждением «шпринг-мины»¹, прикрепив к колючке штоки взрывателей натяжного действия, так что заинтересованно сопящий рядом со мной старшина прав: если зацепить проволоку, мина может сработать. И вот тут меня накрыло: если Феклистов никогда подобных мин не видел, значит, и не подорвался он просто чудом! У этой хреновины разлет шрапнели как минимум несколько десятков метров!

– Так нешто я не понимаю? – пригладив привычным жестом усы, ухмыльнулся тот. – Чай, не первая у меня война-то. Вона, вишь, те проволоки, что к минам идут, сейчас натянуты, а были, значит, провисшие, схалтурили минеры ихние, стал быть. Вот я помалеху колючку и поднял, покуда они не натянулись. Не бойсь, если не дернуть, не взорвется. Перерезал бы, да нечем, а отвязывать боязно.

Окончательно перебравшись на ту сторону, я развернулся и жестом подозвал поручика, обрисовав ситуацию. Скрипнув зубами, тот сообщил, что все понял и сейчас передаст остальным, заодно увеличив дистанцию между людьми. И посоветовал мне подобрать в качестве укрытия подходящую воронку – на тот случай, если кто-то все же зацепит мину.

Снова потянулись томительные минуты ожидания. Вот миновал опасное место Яков, и я с облегчением выдохнул, с удивлением отметив, что, похоже, вовсе не дышал все то время, пока он протискивался под низко натянутой, едва не касающейся гимнастерки колючей проволокой. Вот в узком проходе показался поручик – и замер, вжимаясь в землю, поскольку над нами повисла очередная ракета. Дождавшись темноты, Николай Павлович сноровисто прополз дальше, бесшумно съехав на пузе в воронку, где укрывались мы с Яшей. Настала очередь генерал-майора с оберстом. Надеюсь, им не придет в голову героически погибнуть, подорвав себя и выдав всех нас? Как ни крути, сейчас они – самая слабая часть нашего плана, эдакая пятая колонна в замурзанных до полного изумления после наших болотных походов френчах...

– Я им слово дал, что в плену к ним будут относиться согласно конвенции о военнопленных, – неожиданно буркнул Гурский. Судя по его тону, сам он в этом вовсе не был уверен и сейчас переживал, не пришлось ли ему ненароком солгать.

¹ Sprengmine 35 – немецкая выпрыгивающая противопехотная мина кругового поражения. Упрощенно называется просто «прыгающей миной».

– Не переживай, ваше благородие, будут, – едва слышно шепнул я, приблизив губы к самому уху. – Насколько понимаю, это первый попавший в наш плен немецкий генерал, так что носиться с ним станут что с той писаной торбой, наверняка сразу же в Москву отправят. Так что твоя честь не задета, расслабься.

Неопределенно хмыкнув, поручик отвернулся, напряженно вглядываясь в темноту. И неожиданно легонько толкнул меня в бок. Впрочем, я уже и сам разглядел торопливо ползущих в нашу сторону немцев. Может, конечно, и данное поручиком слово подействовало, но, как мне кажется, и фон Тома и его начштаба просто пришли к выводу, что русский плен все же несколько лучше, чем быть напичканным картечью...

Дождавшись, пока опасное место преодолеет санинструктор с ранеными, и переждав еще две взмывшие в поднебесье «люстры», мы снова продолжили движение. До наших окопов, по моим прикидкам, оставалось метров двести, максимум триста, так что затягивать не следовало. Ползущие замыкающими четверо красноармейцев особых опасений не вызывали: уж если Валя ухитрилась не зацепить колючку, то уж мужики должны справиться...

К сожалению, ошибся. Хлопок вышибного порохового заряда я принял за выстрел ракетницы, успев удивиться, с чего бы фрицам запускать ракету раньше срока, но гулкий взрыв основного заряда – а это почти полкило тротила, между прочим! – расставил все на свои места. Вот и все, не удалось нам тихо уйти, кто-то из бойцов все-таки зацепил проволоку или подбил подпорку...

В следующий миг в небо взмыли сразу три ракеты, залив перепаханное воронками поле режущим глаза светом, и со стороны немецких окопов ударил длинными трассирующими очередями пулемет...

Глава 1

Не падайте духом, поручик...
Автор точно неизвестен

...Я молча смотрел на него, совершенно не зная, что предпринять и как себя вести. Да и то сказать – не каждый день в дверь твоей квартиры в полдвенадцатого ночи стучатся белогвардейские поручики! Ага, именно так. Именно белогвардейские и именно поручики, при мундире, португее с кобурой и запыленной полевой фуражке с овальной царской кокардой. Отчего я его впустил? И сам не знаю. Глупо, конечно, тем более что дома я был один, но, возможно, просто прочитал что-то в глубине равнодушных и полных нечеловеческой усталости глаз. Прочитал и молча посторонился, пропуская гостя в прихожую. Он так же молча вошел, снял фуражку и сделал движение, в более подходящих условиях, вероятно, обозначающее бы щелканье каблуками:

– Премного благодарен. Позвольте отнять у вас несколько минут, и я попытаюсь по мере сил объясниться, надеясь на ваше понимание. В противном случае я, безусловно, уйду, хотя мне и некуда идти.

Я запер дверь. Время позднее, да и вообще? Вдруг кто из соседей покурить выйдет, объясняй потом, что за странных гостей в военной форме я принимаю по ночам, и пожал плечами:

– Проходите, – и добавил, постаравшись, чтобы это не прозвучало слишком уж иронично: – Господин поручик.

– Вижу, вы разбираетесь в званиях? – в мутных глазах на миг блеснул огонек заинтересованности. Его заметно пошатывало. Более чем заметно.

– Ну, гм, в некотором роде. С кем имею честь? – Откуда взялось это старорежимное «с кем имею честь», я и сам не понял. Видимо, ситуацией навеяло. Весьма, к слову, неоднозначной.

– Виноват. Поручик Гурский Николай Павлович, третья рота 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. К вашим услугам.

– Вот даже как? – собрался добавить еще что-то, однако не успел. Поручик покачнулся, опершись рукой о стену и оставив на обоях грязный след. С трудом выпрямился.

– Простите великодушно. Очень устал. Просто катастрофически устал. Трое суток без сна.

Все еще не зная, как себя вести, я несколько растерянно представился в ответ:

– Махрушев Виталий Анатольевич, фельдшер. Послушайте, поручик, вы сегодня хоть что-то ели?

– Никак нет. Как, впрочем, и три последних дня. Выходили из окружения, обозы отстали, сел поблизости не было, да если б и имелись, вряд ли это нам чем-то помогло. Все давно разграблено.

– Ясно.

Тут я внезапно понял, что смущало меня с первой минуты нашего общения. Запах. Тяжелый запах давно не мытого тела, пота, нестираной одежды, еще чего-то смутно знакомого по горячей точке, где мне, к величайшему сожалению, довелось побывать лет эдак с пятнадцать назад. Если это чей-то идиотский розыгрыш, то к чему воспроизводить его *в таких* подробностях? Так, значит, *это* правда?! Ну, хотя бы отчасти? Впрочем, от какой именно части-то?

– Ясно, – повторил я, обращаясь, скорее, к самому себе. – Поручик... гм... Николай Павлович, давайте я приготовлю вам ванну, затем вы перекусите, а вот потом поговорим?

– Буду премного благодарен.

– К слову, разве дроздовцы не в черной форме ходили? – припомнил я читанные книги о Гражданской войне. Нет, вы не подумайте: это, как говорится, не я такой умный, это просто память у меня хорошая. Местами.

– Да, вы абсолютно правы. Но я попал сюда, – он взглянул на меня неожиданно ясным взглядом, – из двадцатого года. Тогда уже были сводные полки, а формы не хватало. Вот и вышло, что на мне обычное полевое обмундирование. А воюю я с перерывами, разумеется, с пятнадцатого, еще с Империалистической...

– Понятно, – невежливо перебил я. – Раздевайтесь вот здесь, в прихожей, а я займусь ванной. После поговорим.

– Благодарю. – Поручик тяжело опустился на стул и стал с натугой стаскивать пыльные разбитые сапоги со стоптанными каблуками, а я отправился в ванную. Когда вернулся, он вполне ожидаемо уже спал, привалившись к стене. Френч оказался расстегнут, португеза с кобурой валялась на полу, но на большее сил уже не хватило. Постояв над ним несколько секунд, я пожал плечами. Пехотный поручик Николай Гурский, второй офицерский полк генерала Дроздовского, видите ли! Ну и как это понимать? Нет, историю я, с грехом пополам, знал и, что произошло в Крыму в одна тысяча девятьсот двадцатом году, помнил. Как и агонию белого движения в Галлиполи, кстати. Того самого Галлиполи, которое «Гуляй поле». И все же... *неужели это правда?!*

Наклонившись, я расстегнул потертую пыльную кобурку и вытащил офицерский «наган» с вытертым до белизны воронением. Настоящий, не массогабаритный макет, не пневматика и не стартовый «Блеф». Откинув флажок, прокрутил барабан, выкидывая на ладонь патроны. Три целые, остальные – стреляные гильзы. То, что все это не розыгрыш, пожалуй, уже ясно: «наган» явно боевой, патроны тоже, уж чего-чего, а оружия я повидал, было дело. Да и из ствола пороховой гарью несет будь здоров, значит, недавно стреляли.

Растормошить незваного ночного гостя оказалось куда сложнее, нежели я думал. Наконец он... нет, не проснулся даже, скорее, очнулся. Осоловело взглянув на меня мутными от короткого сна глазами, поручик дернулся, пытаясь вскочить. В следующее мгновение он что-то вспомнил и разом обмяк, позволив опустить его обратно на стул. Вот и хорошо.

– Николай Павлович, успокойтесь. – Я ободряюще улыбнулся. – Ванна наполнилась, можно мыться. Мундир и белье оставьте на полу, я вам сейчас что-нибудь другое подберу, чистое. Ну что, пошли?

– Значит, вы мне верите? – Взгляд поручика наконец принял более-менее осмысленное выражение.

– В чем именно я должен вам верить? – вполне искренне пожал я плечами. – В том, что вы белогвардейский офицер? Скорее да, чем нет. Впрочем, давайте после об этом поговорим. Пойдемте.

– Простите. – Он провел ладонью по лбу, сметая несуществующий пот. – Как все это глупо... Но я вынужден спросить... право, не сочтите умалишенным, но какой сейчас год?

– Две тысячи пятнадцатый, – спокойно ответил я, глядя ему в глаза. – Разве вы не знали?

– Господи Всевышний... – прошептал он. – Нет, я, вне всякого сомнения, понял, что попал в будущее, но чтобы столь далеко?! Десяносто с лишним лет... Трудно представить, право же, трудно даже просто представить! Почти столетие, как я начал воевать!..

– Мойтесь, прошу вас. Уже полночь, а у нас еще столько дел, – слегка схитрил я, прикрывая за собой дверь. – Сменная одежда будет лежать на полу за дверью.

Зайдя на кухню, я приготовил бульон (хвала столь нелюбимым женой концентратам и полуфабрикатам быстрого приготовления!), подсушил несколько сухарей. Заварил крепкий и очень сладкий чай: глюкоза тоже лишней не будет.

Положив сменную одежду на пол возле ведущей в ванную двери – надеюсь, от ее вида с ним никакого футурошока не случится? – я вернулся на кухню.

Плеск в ванной прекратился, тихонько скрипнула дверь, и минут через пять поручик появился на пороге кухни. Нужно признать, выглядел он в одежде двадцать первого века вполне обыкновенно, разве что, ну, жался как-то, что ли? И внутренне, что само собой разумеется, и внешне. Зато размер у нас оказался практически один в один. Мокрые волосы аккуратно расчесаны, хотя постричься-побриться не мешает. Не сегодня, разумеется.

– Ну, вот и я. Право, не знаю, как вас и благодарить.

– Бросьте, поручик. Присаживайтесь. – Я напрочь позабыл о всяком «высоком штиле». – Вот бульон и сухари, ешьте. Ничего другого пока предложить не могу, надеюсь, понимаете, что более сытная пища вам сейчас противопоказана. Приятного аппетита. И оставлю вас на время.

– Премного благодарен. – Поручик попытался встать с табурета, однако его пошатнуло, и он торопливо опустился обратно. – Простите...

Зайдя в ванную комнату, я забросил аккуратно сложенные на полу френч и галифе в стиральную машину. Разумеется, предварительно вытащив из карманов потрепанную картонную книжку удостоверения, совершенно истертые на сгибах пожелтевшие бумажки и какую-то небольшую тяжеленькую вещицу, аккуратно замотанную в грязный носовой платок – награда, что ли, какая-то? Отцепил от лацкана нагрудный знак полка, знак Ледового похода (ого, битый вояка, оказывается!) и Георгиевский крест с лавровой ветвью на замурзанной ленточке. Что именно означает эта самая ветвь, я точно не помнил, вроде бы что-то связанное с выбором или ходатайством нижних чинов за своего командира. Вспомнив еще кое о чем, я, ругаясь, вытащил френч обратно и отстегнул погоны с вышитой старославянской литерой «Д» и тремя маленькими серебристыми звездочками – глупо бы вышло, если б забыл. Вот теперь вроде все. Ну, не срезать же еще и пуговицы, честное слово? Испортятся, так испортятся, хрен с ними. Кстати, интересно: левый карман френча аккуратно заштопан – такое чувство, что сюда ударила пуля, уж больно дырка характерная, крестообразная, повидал подобное в свое время. Если это так, как же поручик выжил? Или я ошибаюсь? Впрочем, ладно, не самая актуальная проблема на данный момент...

Вернувшись, заглянул на кухню: поручик уже покончил с бульоном и сухарями и сейчас допивал чай, глядя перед собой вконец осоловевшими глазами. Тщательно вымыв руки, присел напротив:

– Покушали? Вот и отлично. Давайте-ка по рюмочке крымского коньячку – недурственного, кстати, товарищ из Севастополя презентовал! – и на боковую. То бишь спать. Можете считать это исключительно врачебным предписанием, хоть я и не совсем доктор.

– Пожалуй, не откажусь. – Он определенно держался из последних сил. – Коньяк... какое замечательное слово... из прошлого. Прошлого, которого нет и уже никогда не будет.

– Да уж, – хмыкнул я, разливая янтарный напиток. – Ну что ж, Николай Павлович, давайте, что ли, за знакомство?

– С удовольствием. – Поручик поднял рюмку. – За знакомство и вашу неслыханную, поистине христианскую доброту! Право, я даже не думал, что все окажется столь легко. Просто постучал, поскольку идти мне больше было некуда... да и не мог я, пожалуй, уже никуда идти, обессилел.

– Давно вы сюда попали?

– Часа два назад. – Поручик опустил голову на подставленную руку. Голос его ощутимо заплетался – и это от пятидесяти-то грамм! Хотя не в алкоголе, конечно, дело.

– Мы попали под артобстрел красных. Шестидюймовые гаубицы. Первый снаряд упал с недолетом, второй с перелетом, и я вдруг понял, что следующий будет мой. Вилка-с. Уже не хотелось укрываться, не хотелось куда-то бежать... ах, Впрочем, глупо все это, как же нелепо! Мы проиграли, это понятно. Народ нас не поддержал, он пошел за большевиками. А все мы – так, никому не нужный артефакт из прошлого, сказанья старины глубокой, право.

Потом был взрыв, удар – и темнота. И вот я здесь. На своей улице, где некогда жил с маменькой. Я... простите, но как же устал...

Все-таки я успел подхватить его прежде, чем он сполз с табурета на пол. Блин, пожалуй, коньяк был лишним, гость и так бы уснул. Перебросив руку поручика через плечо, я дотащил его до заранее расстеленного дивана и уложил. Да уж, завтра, похоже, нам обоим предстоит тяжелый денек. На всякий случай вытащив из замка на входной двери ключи, я отправился в спальню, предварительно убедившись, что корейская стиральная машина, собранная в братском Китае, исправно уничтожает въевшуюся в английское мундирное сукно крымскую грязь и соленый белогвардейский пот.

Уже собираясь улечься, внезапно зацепился взглядом за лежащие на столе личные вещи поручика. Интересно все-таки, что это за штука? Не испытывая особых угрызений совести – вряд ли мой гость был бы против, – развязал платок и повертел тяжеленькую вещицу в руках. Вовсе никакая и не награда, а самая настоящая брошь приличных размеров с тусклым темно-красным камнем, как по мне – довольно аляповатая.

Да уж, я, конечно, не знаток ювелирного дела, но тот, кто изготовил эту штукуну, определенно был большим оригиналом! Как я ни старался, не мог представить светскую даму начала прошлого века, рискнувшую украсить вечернее платье или хотя бы každодневную блузу подобной брошкой. Нет, ну серьезно: какому, скажите, мастеру-ювелиру прошлого или позапрошлого века могла прийти в голову идея сделать подобное? Не нечто воздушно-ажурное, изысканно-кружевное, не бабочку там или какой-нибудь благородный цветок, а простую гладкую пластину с драгоценным камнем по центру? Сплошной минимализм, иначе и не назовешь. Хотя золотишка неведомый ювелир определенно не пожалел.

Кстати, да, вот именно что «пластину» – прямоугольную, с чуть сглаженными углами, размерами примерно три на четыре сантиметра и толщиной миллиметров в пять. На передней поверхности – никаких орнаментов и украшений, листьев там, узоров или вензелей. Просто гладкая золотая окантовка вокруг тускло-алого камня. Сзади – примерно то же самое, разве что по центру расположена застежка – или как там она правильно называется? – для крепления на одежде. Что интересно: застежка определенно «не родная», изготовлена не из золота, а из какого-то желтоватого сплава, да и внешний вид красиво изогнутой ажурной «булавки» абсолютно не соответствует общему аскетичному стилю вещицы – складывалось впечатление, что приделали ее гораздо позже. Но еще интереснее были две непонятные идеально ровные борозды, идущие вдоль вертикальных краев броши. Мне, как представителю сугубо технократической цивилизации начала двадцать первого века, они представлялись чем-то вроде пазов, в которые что-то должно вставляться. Ну, или наоборот – если допустить, что само украшение должно куда-то вставляться. В некий неведомый девайс куда как большего размера. Бред, разумеется, но вот пришло же в голову.

Хмыкнув себе под нос, я всмотрелся в камень. С виду – обычный рубин, вот только, опять же, странный какой-то. Во-первых, излишне плоский, выступающий над поверхностью броши едва ли на три миллиметра, а вот во-вторых...

Случайно повернув брошку боком к падающему от настенного бра свету, я замер, не веря своим глазам. Это еще что такое?! Торопливо подошел к бра, вглядываясь. Затем включил верхний свет, повертев непонятный предмет под самой люстрой. Ошибки быть не могло: *внутри* камня определенно что-то было! И пусть я окажусь последним идиотом и параноиком, но это самое «что-то» просто до неприличия напоминало крошечную компьютерную схему, чип, неведомым образом впаянный внутрь цельного с виду камня! Короче, эдакая небольшая, примерно сантиметр на сантиметр, фигнюшка определенно искусственного происхождения, да еще и с какими-то едва различимыми крохотными не то буквами, не то цифрами на поверхности, непонятно каким образом оказавшаяся там, где находится ей совершенно точно не полагалось. А если получше присмотреться, то можно заметить еще и тонюсенькие – если не

разглядывать специально, ни за что не увидишь, – паутинки-проволочки, ответвляющиеся от «чипа» и пронизывающие, переплетаясь, всю толщу поддельного, как выяснилось, «рубина»! Очень интересно, очень...

Может, я и на самом деле идиот, конечно, но если это – украшение, то я определенно испанский летчик. Могу прямо сейчас сложить ладони вокруг головы в характерном жесте родом из детства, ага.

Впрочем, ладно, утром разберемся...

Глава 2

Утро красит нежным светом...
В. Лебедев-Кумач

Утро началось с оглушительного грохота в ванной комнате: поручик, не найдя спросонья выключатель (или не разобравшись, как им пользоваться), решил не тревожить хозяина, выполнив все гигиенические процедуры в темноте. И естественно, обрушил плечом не слишком удачно подвешенную полочку с бритвенными принадлежностями и всякими гелями-шампунями-лосьонами. Пришлось покинуть постель и включить ему свет.

На кухне Гурский появился только через полчаса, заметно посвежевший и благоухающий на всю кухню дезодорантом. А, ну понятно, первый контакт с аэрозольным баллончиком: палец вовремя не убрал. Научится, куда денется!

Смущенно пожелав доброго утра, Николай Павлович осторожно присел на краешек табурета, будто боясь, что тот немедленно рассыплется под его весом.

– С легким паром.

– Благодарю. Прошу простить, что столь долго. Все еще непривычно, что из крана идет горячая вода, а под рукой настоящее мыло и чистое полотенце.

– Кофе?

– Буду весьма признателен. Настоящий кофе я не пил, пожалуй, столько же, сколь и приличный коньяк.

– Выспались, отдохнули?

– О да, более чем! Едва ли не впервые за последние... право слово, и не назову, за сколько времени! Без преувеличения, проснулся совершенно бодрым, даже не верится, что еще буквально вчера...

Поручик, не окончив фразы, снова погрузнел.

– Успокойтесь. – «Выканье» определенно начинало надоедать, но стоит ли столь быстро предлагать переход на фамильярное «ты», я не знал. – Прошлое – в прошлом, как бы вы к этому ни относились. Надеюсь, спрашивать, верите ли вы в реальность происходящего, равно как и в то, что за окнами начало двадцать первого столетия, не стоит? Или все же?

– Нет, конечно, – бледно улыбнулся собеседник. – Я достаточно здравомыслящий человек и, что со мной произошло не далее, как вчера, прекрасно помню. Каким-то совершенно немыслимым образом я перенесся в нереально-далекое будущее, и это уже, что называется, свершившийся факт.

– Что ж, это радует. Ладно, не знаю, как там было принято в начале прошлого века, Николай Павлович, но давайте-ка поговорим о более насущных делах. А заодно перейдем на «ты», если, конечно, последнее вас каким-либо образом не задевает.

– С удовольствием, – на удивление легко согласился тот. Похоже, даже с каким-то облегчением согласился. – Виталий, не стоит общаться со мной, словно я... – Он откровенно замялся, не в силах подобрать нужных слов.

– Слово *ты* – особа, приближенная к императору? – вот честное слово, само вырвалось! И откуда я это взял? Из Ильфа и Петрова, что ли?

Несколько мгновений поручик смотрел на меня широко раскрытыми глазами, затем сморгнул и неожиданно искренне рассмеялся:

– Не совсем понял, что ты имел в виду, но, видимо, да! Полагаю, это какая-то незнакомая мне шутка. Пожалуйста, Виталий, общайся со мной как принято в твоём времени! Мне так будет даже проще, право слово! Между нами, страшно сказать, больше девяноста лет, но,

коль Всевышнему было угодно, чтобы мы встретились, чтобы я перенесся сюда, значит, стоит привыкать. Мне привыкать, а не тебе, понимаешь?

– Вполне. Вот только позволь один вопрос: а не слишком легко ты воспринял сам факт своего, гм, переноса?

– Не знаю. Вот честное слово, не знаю... Вчера я был слишком уставшим и мало что соображал, ты ведь и сам видел. Практически вовсе ничего не соображал. А потом, уже наутро, то есть сегодня? Наверное, просто принял происходящее как должное. Вот поэтому и говорю – не знаю...

– Ладно, извини. Как ты сюда попал, я понял. Вернее, не понял, конечно, но, полагаю, это в любом случае выше нашего с тобой понимания. А вот почему пришел именно ко мне – пока нет. Ведь ты определенно шел именно сюда, в этот дом и в эту квартиру. Объяснишь?

– Объясню, Виталий. – Взгляд поручика был прямо-таки преисполнен скорби и прочей вины. – Да, собственно, в этом нет никакой тайны – до начала смуты мы жили в этой квартире. Правда, в те времена она была раза в три поболее, – грустно улыбнулся он. – А дальше... когда я ушел в действующую армию, маменька с Катенькой и моей супругой решила уехать из города к сестре в Новочеркасск. Отчего-то им казалось, что там будет спокойнее. Впрочем, некоторое время так и было, все-таки центр белого движения. Квартиру оставили под надзором прислуги. Глаша служила у нас почти двадцать лет... впрочем, сие не суть важно. Вчерашней ночью, узнав родную улицу, я решился постучать в двери бывшей квартиры. Глупо, конечно, но ничего иного мне, право слово, в голову не пришло. Безысходность в тот момент была поистине чудовищной... – Последние слова он почти прошептал, низко опустив голову.

– А Катенька?

– Сестра. Мою жену зовут... звали Марией... когда мы расставались, Маша находилась в интересном положении... теперь мне и не узнать, уцелела ли она и малыш...

– Понятно, – кивнул я, поспешив сменить грустную тему. – Кстати, вот, – на стол перед поручиком легли найденные в карманах френча бумаги вместе с наградами и погонами. Поверх стопки я выложил замотанную обратно в платок брошку.

– Благодарствую. Я даже и позабыл.

– Не за что, Николай. Кстати, что за штукавина?

– Ах, это? – Поручик бледно улыбнулся. – Брошка. Маменька дала мне ее, когда провозжала на фронт. Да, собственно, сам смотри. – Гурский развернул тряпицу, протягивая мне странное украшение. Пришлось взять, сделав вид, что впервые ее вижу.

– Маменька просила, чтобы я всегда держал ее при себе. Отчего-то она всерьез полагала, что сия вещица счастливая и принесет мне удачу. Вот и принесла... Кстати, смешно, но в детстве она не раз рассказывала мне, что брошь волшебная и порой светится в темноте. Когда-то я в это верил...

– Понятно, Николай, – вернув украшение хозяину, мягко ответил я. «Волшебная», значит? Интересно.

– Хотя знаешь... – неожиданно продолжил поручик, на лице которого проступило удивление. – Право, только что вспомнил. В детстве был достаточно странный случай. Лет мне тогда было немного, восемь, возможно, девять. В ту зиму я тяжело болел – уж не упомню, чем именно, но температура держалась под тридцать девять, и спал я в маменькиной комнате, чтобы не заразить Катюшу: детская у нас была одна на двоих. Ей тогда едва пять исполнилось. А брошка лежала на матушкином трюмо. И вот той ночью она действительно засветилась... знаешь, свет был такой, ну, странный, что ли. Ярко-алый, мягкий, вовсе не режущий глаз и исходил вертикально из глубины этой вещицы. – Гурский автоматически погладил камень большим пальцем. – Право, сложно описать, но внутри броши будто зажегся крошечный электрический фонарик. Поднималось сие свечение невысоко, вершка на четыре, от силы пять, и там словно бы обрывалось, складываясь в некий рисунок. Я испугался, заплакал и позвал

Глашу, но прибежала сама маменька, слушать меня не стала, конечно, заставила выпить порошок от жара и уложила спать. К тому моменту брошь уже не светилась. Впрочем, вероятно, мне это просто привиделось из-за высокой температуры...

– Возможно и так, на голографию похоже... – осторожно ответил я, поскольку о том, что обнаружил внутри броши, решил промолчать. Вот когда поручик узнает, что такое компьютер и как он устроен, тогда можно и рассказать. А пока? Смысл? Все равно не поймет. А вот про голографию я, кажется, зря ляпнул, если спросит, придется объяснять.

Взглянув в слегка напрягшееся лицо собеседника, спросил:

– Мне кажется, или ты еще что-то хочешь рассказать?

Поколебавшись еще мгновение, Гурский решил-таки продолжить:

– Понимаешь ли, был еще один не совсем понятный момент. Но это уж на войне, в Крыму. Мы тогда шли в атаку, практически в штыковую. Краснопуз... ну, то есть большевики, заняли выгодную позицию, имея три «максима» и почти полсотни бойцов, но выбить с высоты мы их должны были – и выбили, кстати. Но мне прилетела в грудь пуля – то ли пулемет, то ли винтовочная... суть в том, что попала точно в брошь, которую я носил в нагрудном кармане френча слева. Ткань изорвало, разумеется, кожу вокруг иссекло клочьями оболочки и свинцом. А мне – ничего. И броши тоже. А ведь попадание было в точности в центр камня, я потом специально проверял. Вот такая история... собственно, после того случая я и уверовал, что маменька была права и сие украшение для меня счастливое. Глупость, разумеется.

– Так, постой-ка, погоди. – Я потер лоб, осознавая услышанное. – То есть ты хочешь сказать, что в эту штуковину попала винтовочная или пулеметная пуля и ты остался цел? – Я покрутил в пальцах «брошку». Между прочим, после кавказской «командировки» я более чем хорошо знал, на что способна пуля от патрона 7,62x54R, даже без стального сердечника. Проще говоря – чтоб не размазывать на пару страниц никому не нужные ТТХ, – стандартного патрона для почти всей линейки отечественного оружия, начиная от мосинской винтовки и пулемета «Максим» и до СВД, ПКМ и иже с ними. Выпущенная из «снайперки» или «пэкаэма» пуля порой спокойно дырявила армейский бронежилет или пробивала пару снаряженных магазинов, уложенных в «лифчик» или ременно-плечевую систему. Сам видел, и первую помощь на ПМП оказывал. А тут мне на полном серьезе рассказывают, что подобная пуля попала точно в центр камня – и ничего?! Бред какой-то...

– Прекрасно понимаю твое недоверие, Виталий, но я, как видишь, жив. Хоть порой и сомневаюсь, так ли сие хорошо... возможно, правильнее было лечь в крымскую землю вместе с боевыми товарищами...

– Так, ты мне это брось! Давай вон лучше бутербродами займись. – Я кивнул на тарелку. – Да и кофе остывает. А после завтрака, если ты не против, предлагаю заняться изучением истории. Согласен?

– Что ты, конечно же, не против! – Гурский эмоционально взмахнул руками, едва не опрокинув на себя чашку с кофе. – Разумеется, согласен! Должен же я понять, в каком мире оказался. Сейчас?

– Можно и сейчас, но сначала закончи с завтраком.

* * *

День прошел спокойно: я занимался домашним хозяйством, а Гурский усиленно самообразовывался перед подключенным к Интернету компьютером, пользоваться которым на уровне «поисковая система – запрос – навести курсор на ссылку – кликнуть – читать» я его обучил. К слову, обучился он поразительно быстро: разум предка, не замусоренный множеством никому не нужных умений и информации, воспринимал новое с удивительной легкостью. Периодически (и достаточно часто) поручик обращался за разъяснениями, на кои я по мере сил и исторических познаний и отвечал. Хорошо хоть историю люблю, а то пришлось бы мекать, вспоминая,

в каком году Наполеон расстрелял Тухачевского по навету Риббентропа. Утрирую, разумеется, но уж такой я человек.

Перед компом Николай Павлович безвылазно просидел до вечера, порой даже что-то конспектируя убогим почерком в выданном мной блокноте (удобство шариковой ручки он оценил сразу). В отличие от революционных событий и истории Гражданской войны, о которых мы изрядно поспорили, порой, что называется, «до хрипоты», Великая Отечественная никаких особых споров, к счастью, не вызвала, благо непротиворечивой информации и фотоматериалов в сети имелось более чем предостаточно. По крайней мере власовская РОА, заявленная как «воинское формирование, создаваемое для освобождения России от коммунизма», у поручика вызвала лишь короткую злую гримасу и не менее короткий же эпитет: «предатели». А я, кстати, признаюсь, сомневался было, да...

Хотя в принципе, а отчего сомневаться-то? После того как Николай Павлович просмотрел несколько десятков выложенных в сеть фотографий наших битых танков и сгоревших танкистов, разбомбленных городов и расстрелянных беженцев, его мировоззрение определенно должно было качнуться в правильную сторону. Снимки были в основном немецкие: ну вот любили эти самые «продвинутые европейцы» фоткаться своими «лейками» на фоне обезображенных трупов своих врагов, находя в этом одним им понятное удовольствие... Ну, такой уж у них менталитет, видимо.

Да и вообще, к тем же немцам, уж так исторически сложилось, Гурский ни малейшей симпатии испытывать не мог. Хотя бы просто исходя из реалий прошлого: память о германской войне никуда не делась. Короче говоря, в некотором роде нашла коса на камень: вроде бы к победившим комиссарам никаких теплых чувств поручик не испытывал, но и вторгшихся на родную землю захватчиков тоже любить оказалось не за что.

А потом он задал давно ожидаемый вопрос.

– Виталий... – Поручик старательно подбирал слова. – То есть германцы, ну, в смысле, немцы, и на самом деле считали себя единственной избранной расой, полагая, будто мы, славяне, не более чем недочеловеки? Унтерменши? И достойны быть не более чем рабами?

– Ну, сам же видишь. Так и было. В Рейх вывозили не только культурные ценности, но и людей, и даже украинский чернозем. А всякие «низшие люди»? Рабы, не более. В лучшем случае прислуга. В худшем же? Сырье для производства мыла. Или удобрение. Чтобы лучше капуста росла. Уж больно они любили тушеную капусту с баварскими сосисками.

– Утрируешь?

– Совсем немного, Николай, совсем немного. Поскольку эти самые «сверхчеловеки» и на самом деле пытались построить на Земле новый мир. По своим законам – ну, ты в курсе, видел же? Про концлагеря успел прочитать? И если бы не столь нелюбимые тобой большевики, им бы это вполне удалось. Без иронии, поручик, более чем удалось!.. И вообще, достаточно тебе на сегодня перед монитором корпеть, собирайся, прогуляемся в город. Мозги проветрим, так сказать, причем нам обоим. Хватит в четырех стенах сидеть. Да и город ты ведь так и не видел. Согласен?

– Вполне согласен, – с готовностью кивнул Гурский. – Если честно, у самого от этих новых знаний голова пухнет. Но вечером я еще посижу, почитаю, можно? Мне весьма интересны причины развала Советского Союза, уж больно много аналогий с Российской империей прослеживается.

– Да хоть до утра, мне-то что? – Я бросил на него уважительный взгляд. Смотри-ка, уже поздним послевоенным периодом заинтересовался, быстро он.

Глава 3

Девять граммов в сердце...
Б. Окуджава

Погуляв по центру города, поручик, как водится, то восхищался знакомыми строениями, то тихо бурчал под нос по поводу, как можно было так испохабить исторические здания, имея в виду занимающие первые этажи витрины магазинов, в основном бутиков. Ну а что он хотел? Центр же, блин...

Обилие сверкающих фарами и лаком автомобилей на улицах Гурского впечатлило, но, как ни странно, не настолько, как я ожидал. Трамвай был воспринят как должное – видал в своем времени. А вот троллейбус отчего-то произвел сущий фурор. Но главным открытием стали, конечно же, девчонки в мини. На дворе стоял июль, потому ноги и прочие доступные взору части тела, загорелые по самое не могу, были более чем открыты. Точнее, «едва прикрыты». Пораженный немыслимым для своего времени зрелищем, поручик периодически дергал меня за рукав летней рубашки, выдавая очередной перл в духе: «Нет, ну ты представляешь, Виталий, разве это летнее платье?! Это же натурально купальный костюм, да и то далеко не каждая дама, право слово, надела бы подобное непотребство даже в купальню».

Вернувшись в родной район, остаток вечера провели уже там. Поручик с интересом вертел головой, заново изучая улицы и переулки, где некогда родился и вырос, благо большинство построенных еще в конце девятнадцатого – начале двадцатого века зданий сохранилось. Не в первозданном, конечно, виде, но и не настолько изменившись, чтобы стать неузнаваемыми. Несколько относительно недавно отстроенных высоток поразили поручика еще больше троллейбуса (но куда меньше девушек в мини-юбках). Пару минут он молча стоял, задрал голову и, сосредоточенно шевеля губами, считая этажи, затем судорожно сглотнул и помотал головой, отворачиваясь. Судя по цвету лица, Гурского даже слегка замутило.

– Виталий, неужели люди не боятся жить там, наверху?! – и коротко кивнул куда-то в сторону крыши.

– Да чего бояться-то? – пожал я плечами, смерив взглядом то, что согласно нынешним реалиям стоило называть исключительно «пентхаусом». – Не так уж и высоко, двенадцати-этажка всего лишь. Бывает и хуже. Ну, в смысле выше.

– Куда уж хуже... – пробормотал тот, косясь на меня с подозрением.

– Тут всего-то двенадцать этажей. В Первопрестольной вон уже домишки этажей в двадцать-тридцать строят, а в Нью-Йорке и вовсе под сотню.

– Шутишь? Ничего себе «всего»! Меня даже от одного взгляда мутит, а о том, чтобы там жить? Нет уж, увольте!..

Достаточно набродившись, мы решили завершить вечер, перекусив и выпив пивка в уютной кафешке неподалеку от дома. Ключевое слово именно «неподалеку», поскольку я отлично представлял, что поручик к этому времени уже практически исчерпал внутренние резервы, и забираться далеко от родной улицы не хотелось. Да и время уже было позднее. Не на себе ж его до квартиры тащить, когда суммарная масса новых впечатлений переломит, что та хрестоматийная соломинка, его собственный психологический хребет?

Усевшись за столик на улице – над головой лениво колыхался порядком выгоревший на солнце тряпичный зонтик с логотипом одного из отечественных пивных производителей, – мы заказали по бокалу пенистого и легкую закуску. Разговор особо не клеился: Гурский переваривал новые впечатления, я же просто отдыхал, меланхолично созерцая мир сквозь запотевший пивной бокал и в который уж раз вяло размышляя над вопросом «Почему именно я?» и «На фига мне все это?».

Похоже, именно потому я и прошляпил *тот самый* момент.

Проглядел как-то – позор на мои седины! – как к двум девчущкам за соседним столиком начали приставать выползшие из нехилого внедорожника стоимостью в три-четыре мои квартиры «мэны» не особенно и юного возраста и уж точно не славянской внешности. В принципе дело привычное: город у нас южный, наверное, оттого я и не среагировал сразу. Сначала под-сели за столик, заказали «выпить и закусить» и начали о чем-то негромко разговаривать. Я внимания не обращал – в отличие от поручика, несмотря на усталость и обилие впечатлений, немедленно вставшего в позу, словно учуявшая дичь борзая. Минут через десять градус раз-говора определенно повысился: судя по всему, девчонкам предлагалось нечто, идущее враз-рез с их планами на эту ночь в частности и жизненной позицией в целом. По-умному стоило расплатиться и поскорее уводить поручика от греха подальше: в кафе имелась своя охрана, уже ненавязчиво начавшая движение в сторону скандального столика, да и на дворе вовсе не бандитские девяностые. Сами б разобрались или полицию, в крайнем случае, вызвали. У пэп-ээсников с подобными разговор короткий – мордой в асфальт и ствол «ксюхи» в затылок. Ну, и пару пинков берцами в ребра, чтоб лежалось мягко. Но я, как уже говорилось, протормозил. Зато Гурский, увы, нет...

И когда Николай Павлович вдруг сорвался с места, мне оставалось только коротко выма-териться, грохнув, расплескивая остатки пива, о поверхность столика почти пустым бокалом, и рвануться следом. Опоздал, разумеется: поручик, воинственно выпятив исхудавшую грудь, одарил ближайшего неслабой такой пощечиной, сопровождаемой словами о том, что подобное обращение с женщиной недостойно настоящего мужчины и он требует удовлетворения... Бли-ин! Трижды и в одно место! Это ж он ему сейчас дуэль объявил, золотопогонник! Вот только вряд ли тот подобные выражения вообще знает – «удовлетворения», ага. Для него удовлетво-рение – это... ну, короче, сами знаете, что и куда. Точнее, в кого. Пожалуй, просто съезди Гурский ему по морде – все могло завершиться банальной дракой, которую быстренько ути-хомирили бы охранники, даже не вызывая полицию. Но теперь... теперь – нет. Пощечина для подобной публики больно уж оскорбительна. Вон как этот упырь сноровисто под свой модный пиджак полез. По ходу, ствол, и хорошо, если травмат-резиноплой. А если нет, если полно-ценный нарезной короткоствол? Вот тогда точно полярный лис на тонких ножках пришкан-дыбал...

– Так, мужики, все, тихо, тихо. – Я попытался вклиниться между ними. В принципе насчет грядущего махалова особых переживаний у меня не было: в училище немного зани-мался самбо, да и за время службы в госпитале порой пересекался с интересными ребятами из разных госструктур, которые, выздоравливая, любили порезвиться на заднем дворе. Ну и мне, грешному, кое чего показывали в благодарность за маленькие вольности вроде пронесе-ния на территорию медучреждения неликвидного алкоголя или курева. Так что, если припрет, могу и в табло съездить, и на землю уронить.

– Пошел... козел, – немногословно сообщил вызванный на дуэль здоровяк, отмахиваясь от меня, словно от назойливой мухи, могучей ручищей.левой. Правая так и не вынырнула из-под лацкана пиджака. А вот это зря. Я, конечно, по жизни не ангел, но такого обычно не терплю, особенно ежели благоверной поблизости нет. За такие слова могу и сразу отоварить, поскольку мне сей пеший эротический маршрут по жизни претит.

– А в морду, не? – Решительно оттеснив поручика за спину, я занял позицию. Местные охраннички отчего-то притормозили, один торопливо набирал номер на мобиле.

– Не! – рыкнул тот, дергая в мою сторону правой рукой из-под пиджака. Точно, корот-коствол. Добрый старый «макаров». Самое неприятное – я успел рассмотреть отчетливо раз-личные нарезы в стволе. Блин, таки не «резинка»!

– Вали на три буквы!.. – ну вот, последнее слово – это он уж вовсе зря, я такого не прощаю. Поскольку к сексуальным меньшинствам ни разу не принадлежу. Не в содомитской гейропе, чай, живем. Тут за подобное в таблоид прилетает быстро и четко.

– Ххех... – левой подбить ствол, уводя в сторону, правой со всей дури ударить. Кстати, хорошо получилось – бугаек обрушился спиной на сложившийся карточным домиком стол, завизжала одна из девчонок – или обе? Жаль, пистолет не выбил, крепко держит, гад! Ну, теперь вперед и с песней: нужно добивать, пока не очухался да второй на помощь не подоспел. На поручика надежды мало, застыл позади соляным столбом.

И все, собственно, не успел... говорил же, что эта тварь пистолет не выронила. Тот самый, что теперь смотрит мне точнехонько в грудь. Ёпрст, как обидно-то...

– Виталий! – Кто-то – а, ну да, поручик, разумеется! – вклинивается между мной и поверженным владельцем «ПМ».

И тут же сухо хлопает выстрел.

Твою ж...!!!

Как порой бывает в подобный момент, сознание успело заметить множество никому не нужных подробностей: украсившую срез кургузого «макаркиного» ствола желтую вспышку выстрела, короткий латунный высверк улетевшей в сторону стреляной гильзы, содрогнувшееся от удара пули, валящееся на меня тело поручика, рвущий барабанные перепонки истеричный визг девушек...

Прежде чем меня накрыло ослепительное алое сияние, я, словно в том бородатом анекдоте про пьяницу и электричку: «вот так ни хрена за хлебушком сходил», успел подумать: «Попили пивка, блин!»

Затем все исчезло.

И тут же вернулось назад. Вот только это оказалось совсем другое «все»...

* * *

Я лежал ничком, уткнувшись лицом в одуряюще пахнущую траву и прелые листья. Так, очень интересно! В траву, значит? И прочие листья? Ну-ну... впрочем, ладно, сейчас разберемся, откуда в центре города трава.

Кряхтя, я перевернулся на бок и в два приема сел. Вокруг расстился лес. Самый настоящий лес, какой можно встретить где угодно: в России, Украине, Белоруссии или Европе. Над головой неторопливо покачивали раскидистыми кронами деревья; сквозь лиственный сито пробивался солнечный свет, скорее послеполуденный, нежели утренний или вечерний. Так-с, вот мы, стало быть, ехали, ехали – и приехали... в лес. В лиственный, угу. Мы и Чебурашка, который хотел найти друзей. Как в том, блин, старом фильме. Короче, приехали, как бы оно ни было. Надеюсь, нас хоть не к пресветлым эльфам с прочими гномами занесло? Не люблю фэнтезятину, если честно, ох, не люблю...

Все тело отчего-то болело, словно меня долго и старательно били, не причиняя, впрочем, особых телесных повреждений. Аккуратненько так, без ботинок. Или будто я, как бывало в студенческой юности, всю ночь разгружал дальнобойные фуры, стараясь подзаработать на хлебушек, девушек и прочие деликатесы. Разве что нижняя губа разбита, насколько успел запомнить – затылком опрокинувшегося на меня Гурского. Кстати, где он?

Торопливо оглядевшись, обнаружил поручика метрах в пяти. Николай Павлович лежал на спине, картинно раскинув руки, и признаков жизни не подавал. Лица его я не видел – голова оказалась повернута в противоположную сторону. Блин, неужели?! Ведь ему этот гад в грудь выстрелил, в упор, меньше чем с метра! Можно сколько угодно критиковать «макарку», но в подобной ситуации не каждый бронежилет защитит, а если и защитит, то уж пара сломанных ребер точно обеспечена. И гематома с блюдце размером. Плюс – мощный, не в одну сотню килограммов, удар в область грудины или сердца может запросто стать причиной его остановки!

За несколько секунд добравшись до поручика, склонился над ним, осторожно повернул голову и проверил пульс на сонной артерии. Жив, слава богу, просто пребывает в глубоком обмороке. Гм, а вот это интересно, даже очень интересно – я, хоть и не эксперт-криминалист, но на пулевые ранения посмотрелся, в том числе и на произведенные в упор. Типичный крестообразный разрыв ткани летней рубашки в районе левого кармашка, оставленные частицами сгоревшего пороха пропалины – и ни капли крови. Это как? Тот мордоворот что, холостым стрелял, что ли? Или я ошибся и пистолет все-таки был травматическим? Кстати, сквозь прореху что-то алеет, на кровь не похоже, может, кровоподтек?

Как выяснилось в следующий миг, вовсе даже и не кровоподтек, а все та же неубиваемая брошка. Или непробиваемая? Там же, в остатках изодранного кармана, обнаружилась и сплюснутая, похожая на причудливый гриб пээмовская пуля со стальным сердечником. Очень интересно, очень... Похоже, не врал поручик насчет того случая, когда ему в грудь пулеметная пуля прилетела. Да и заштопанный в месте попадания френч я сам видел, помнится. Он их что, притягивает, что ли, пули эти? Причем исключительно в сердце. А вообще, повезло, можно даже сказать, безумно... – я автоматически погладил пальцем неповрежденную поверхность «рубина». Снова, блин, неповрежденную, как и в тот раз! Ведь эта пуля мне предназначалась! И если б не поручик, шестиграммовый подарочек благополучно финишировал бы в моем организме, почти наверняка приведя к несовместимым с жизнью последствиям!

И тут до меня наконец дошло. Накрыло, можно сказать. И я немедленно снова вспомнил женщину легкого поведения, причем, кажется, не раз и даже не два.

Когда я перестал материться – секунд тридцать непрерывного потока сознания, – вокруг ничего не изменилось. Поручик все так же плавал в неведомых даже лучшим психиатрам пучинах бессознательного, хоть и порозовел. И то хлеб, ага. Итак, что у нас в активе? Негусто, если честно: мы оба живы, находимся не пойми где, но, скорее всего, не в свое время – не такой уж я идиот, чтобы не понять, что произошло. Упрощенно говоря, в тот момент, когда в артефакт Гурского попала пуля, нас куда-то перенесло. Из непонятного – всего один момент: отчего поручика не вышвырнуло в прошлое или будущее в тот раз, когда в брошь влупила пулеметная пуля? Нет, я, разумеется, могу допустить, что взрыв гаубичного фугаса, перенесший его в мое время, куда более весом, чем какая-то там пуля из пулемета господина Хайрема Максима или винтовки штабс-капитана Сергея Ивановича Мосина, но отчего тогда не самый мощный в мире пистолет оказался круче?! Можно, конечно, предположить, что первая просто не попала в центр непонятной «брошки», но как-то это все зыбко и не слишком серьезно...

Кстати о брошках и их владельцах: переправив загадочное украшение в карман джинсов, я занялся реанимационными мероприятиями. Попросту говоря, основательно похлопал Гурского по щекам, приводя в чувство. Николай Павлович не подвел – забормотав что-то невразумительное, пришел в себя, глядя вокруг вовсе уж ослепевшими глазами. На наконец-то сформированный вопрос я лишь неопределенно пожал плечами: мол, понятия не имею, где мы и... когда. Понятно одно: мы больше не в городе. И – ох, и отчего я так в этом уверен? – скорее всего, даже не в мое время.

Окончательно пришедший в себя Гурский ощупал разодранную бандитской пулей рубашку, зачем-то пошарил по карманам и вопросительно взглянул на меня. Хмыкнув, я вернул поручику брошь. Попутно вкратце озвучив свои предположения относительно ее роли в нашем нынешнем положении.

Слушал Николай Павлович молча. Затем кивнул и выдал:

– Виталий, прости, это я во всем виноват...

Вот же блин, а?! Колумб Америку открыл, великий был моряк!² Догадался, блин. А я-то собирался, понимаешь, устроить тут разборки «по понятиям», относительно... ну, тоже понятно. Эх, да ладно уж. Как говорится, попали – так попали. Сначала – в нас, затем – мы.

– Кончай рефлексовать, товарищ поручик. Не поможет. Похоже, мы с тобой не просто в одной лодке, но и в полной заднице. И сейчас желательно понять, насколько она глубока.

– Кто? – простодушно переспросил Гурский, не оценив моего тяжеловесного экспромта.

– Задница, поручик, задница. В которой мы – ну, и далее по тексту.

– Грубо...

– Естественно. А как иначе? – Я поднялся наконец на ноги, потянув Гурскому руку. – Вставай уж, проклятьем заклеянный. Нас, как водится, ждут великие дела, граф.

Поручик торопливо поднялся, покачнувшись, но тут же восстановив равновесие:

– Виталий, я уже почти привык к твоему юмору и, о ужас, даже начал его понимать, но «Интернационал»-то тут при чем?

– Да это не совсем «Интернационал», – буркнул я, осматриваясь. – Это еще и немного Визбор, просто ты до него не дошел. Или не Визбор, а тот французский историк, имени все одно не вспомню³.

– Не дошел? – искренне заинтересовался Гурский. – А, ты имеешь в виду...

– Да ничего уже не имею, тихо! Слышишь?

Несколько мгновений мы вслушивались, затем Николай Павлович неуверенно произнес:

– Вроде бы аэроплан, был слышен шум мотора. И пулемет, скорее даже несколько. Я отчетливо различил пулеметные выстрелы.

– К сожалению, я тоже. Причем относительно недалеко. Пойдем, что ли, посмотрим, кто там с кем воюет? Если я все правильно понимаю, нам вон туда.

– Ага, пошли. – Гурский смерил меня странным взглядом. – Виталий, если мы станем свидетелями атаки нашего аэроплана на колонну красных, то я, безусловно...

– Коля, можно на прямоту? Заткнись, ладно? Ты даже не представляешь, насколько все может оказаться хреново! Все, пошли... и молча. Не знаю, как ты, а я вовсе не горю желанием снова оказаться на войне.

– На войне?! – сбился с шага поручик. – На какой войне?

– Скоро узнаем, – мрачно предсказал я. – Все, объявляется режим радиомолчания. И старайся идти тихо, а то мало ли...

В принципе я знал, о чем говорил: да, люблю историю и не слишком разбираюсь в технике, но отличить завывания мотора истребителя времен Второй мировой от тархтенья какого-нибудь «Ньюпора» или «Фоккера» смогу. Угу, именно так...

Одним словом, в преграждавшие нам путь кусты я углублялся в самом что ни на есть мрачном расположении духа. Почему? А вы сами подумайте, сложите хрестоматийные два плюс два, получив разрешенные уставом пять! Не поняли? Ладно, тогда поясню: перенос во времени, загадочное несокрушимое украшение, этот лес и, наконец, звук авиационного мотора, до боли похожий на недоброй памяти немецкий истребитель времен Великой Отечественной... Удивлены? Ожидали истерики? А вот фигушки, мне и недавнего появления в моем доме поручика хватило. Так что у меня, можно сказать, иммунитет, и на футурошок даже не надейтесь. Впрочем, полного отсутствия истерики, пожалуй, гарантировать не смогу. Но не сейчас – позже. Пока есть более актуальные проблемы. Теперь поняли? Ну и что я, по-вашему, должен думать? Что в сказку, блин, попал? К тем самым пресветлым эльфам и прочим трудо-голикам-гномам? Ага, вот прямо сейчас! Тут ключевое слово именно что «попал», хоть топа-

² Строка шуточной песни «О вреде курения» (музыка – В. Быстряков, слова – Н. Олев и А. Балагин) из советского мультфильма «Остров сокровищ».

³ По некоторым данным, фразой «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» слуга будил французского аристократа и известного историка герцога Сандрикура Максимилиана Анри де Сен-Симона (1720—1799).

ющий позади поручик этого и не понимает. И кстати, зря: если все, как я думаю, скоро ему предстоит неслабый разрыв шаблона. Как, собственно, и мне.

Ох, блин, как же не хочется наяву увидеть то, что до сего момента считал просто историей, пусть и героической! Очень не хочется, практически до безумия. Поскольку – страшно... не, реально: просто по-человечески страшно! Даже с учетом того, что на одной войне я уже побывал.

Глава 4

Затеряйся где-то, похоронка, если до рассвета доживу...
Г. Глазов

Идти и на самом деле пришлось недалеко, от силы километр. Правда, по лесу, отнюдь не подходящему на городской парк. Повезло, что у меня на ногах оказались кроссовки, а у Гурского – более-менее нормальные летние туфли. А то ведь в шлепанцах по такой местности особенно не побегаешь: или ногу распорешь, или обувь потеряешь. А босиком, да по лесу, даже летнему – это, знаете ли, то еще удовольствие.

То, что мы близки к цели нашего недолгого путешествия, первым, как ни странно, понял именно поручик: внезапно остановившись, Гурский принялся и негромко сообщил:

– Виталий, по-моему, газOLIном пахнет? И дымом? Там определенно что-то горит.

– Угу, – согласился я. – Только не газOLIном, а самым настоящим бензином. И горит тоже, причем весьма сильно. Вон там, где кусты пореже, просвет замечен, видишь? Похоже, дорога или просека. Ладно, ты пока посиди, я схожу гляну.

О том, что именно там горит, я предпочел пока не думать и с поручиком не обсуждать: уж больно мне запах не понравился. *Очень не понравился*, знаете ли...

– Может, все же я? – воспротивился поручик. – Я все-таки боевой офицер, ветеран, а ты, прости, просто доктор.

Хмыкнув – смотри-ка, меня, простого «фершала», уже в доктора произвели. Можно сказать, через звание прыгнул. Приятно, конечно, но... – я покачал головой:

– Коля, лучше я. Подозреваю, сейчас твоих ветеранских умений не потребуется. А ты за окрестностями пригляди, мало ли.

– Думаешь? – серьезно спросил Гурский.

– Уверен, – невесело кивнул я. – Девяносто из ста, что мы на войне. И, увы, догадываюсь, на какой. Так что будь внимателен.

– Жаль, оружия нет, даже револьвера. Впрочем, ступай, вероятно, ты прав.

Согласно кивнув головой, я двинулся вперед, делая небольшой крюк, чтобы не ломиться напрямик через заросли. Когда до дороги – а теперь уже было ясно, что впереди именно дорога, – оставалось метров пять, я пригнулся, преодолев остаток расстояния по-пластунски. Не особо умело, конечно, да и футболку с джинсами о траву изгваздал, но береженого, как известно...

Осторожно разведя в стороны ветки и стараясь особенно не высовываться, я огляделся. Ну да, именно дорога – самая обычная грунтовка, не особенно сильно и накатанная. А вот на ней... на ней все, увы, оказалось примерно так, как я и предполагал. Метрах в двадцати косо стояла, съехав правыми колесами на обочину, самая натуральная полуторка, «ГАЗ-АА», та самая, которая в девичестве «Форд». Причем еще довоенного выпуска, с металлической кабиной и нормальными дверями. Ага, вот именно что «довоенного»!

Выглядел грузовичок, правда, не очень: стекла разбиты, тонкий металл крыши и капота изодран пулями, борта кузова тоже зияют свежими пробоинами. Из-под задравшейся боковой створки капота – вроде так она называется? – струится сизый дымок от простреленного двигателя; разбитые фары отблескивают на солнечном свете сколами стекла. Правая дверца распахнута, и из кабины свешивается, зацепившись за что-то рукавом, труп в военной форме РККА – отчетливо видны петлицы на потемневшей от крови гимнастерке. Уткнувшийся в руль водитель тоже мертв, хоть я и вижу лишь коротко остриженный затылок: остатки лобового стекла обильно забрызганы алым. Наверное, именно так и выглядит результат атаки самолета на замеченную пилотом одинокую машину. Прошел на бредущем, прочесал из пушек и пулеметов,

развернулся, делая еще один заход, и, удовлетворенно качнув крыльями, убрался восвояси. Отчего-то я был уверен, что все так и произошло – честное слово, перед мысленным взглядом словно документальное кино прокрутилось. К сожалению, цветное...

Переведя взгляд дальше, я глухо выругался. Твою мать, угадал-таки! То-то мне запах странным показался. Нет, я, разумеется, не раз читал, как прославленные асы «люфтваффе» с упоением расстреливали санитарные колонны и топили транспорты с ранеными и беженцами, но вот чтобы самому увидеть...

Короче говоря, метрах в ста от расстрелянного грузовика замер поперек дороги санитарный автобус, передком весьма похожий на полуторку – как он назывался, я понятия не имел, как и о том, на какой именно базе строился. Важным было иное: просевший на простреленных скатах угловатый автобусик с четко различимым красным крестом на борту горел. Горел вовсе не как в американском кино: из окон не вырывалось ревущее пламя, и бензобак не стремился немедленно взорваться. Лениво, скорее, горел: тлели, постепенно разгораясь, покрышки, под днищем весело скакали отдельные всполохи горящего бензина из пробитого бака, из выбитых окон и повисшей на одной петле двери тянулся подсвеченный пламенем темно-серый, вязкий дым. Вокруг валялись какие-то тлеющие тряпки или обломки, не знаю.

Но главное – запах.

Ветер, словно решив расставить все точки над «i», внезапно изменил направление, прибив грязные дымные космы к дороге и погнав их в мою сторону. И вот тут меня накрыло. Нет, блевать я все-таки не стал, хоть, признаюсь, и очень хотелось, но несколько секунд лежал, зажимая нос рукавом футболки. Этот запах я знал. Или помнил, хоть и ощущал всего один раз, когда помогал вытаскивать из сгоревшей «братской могилы» экипаж и десант: кумулятивная граната вцепилась точнехонько в основной бак. Соляры там оказалось относительно немного, да и боекомплекта на борту практически не было, так что горела БМП, в полной мере оправдывая свое мрачное прозвище, не особо и долго. Но запах, когда бойцы отковыряли ломami прикипевшие к корпусу десантные люки, стоял вокруг именно такой... Когда это было? Да вот во время моего выезда на боевую, о котором я уже, помнится, упоминал, и было.

До автобуса я все-таки дошел. Нет, не так: «заставил себя дойти». Отчего-то мне это казалось важным: увидеть все своими глазами. Близко подходить не стал, просто не имело смысла. В том, что живых внутри не найду, я и так нисколько не сомневался. Просто *должен был*, понимаете?

Похоже, «санитарку» – в отличие от грузовичка – доблестный немецкий ас разнес не из пулеметов, а из бортовых пушек: уж больно здоровенными оказались пробоины в крыше и бортах. Впрочем, и отверстий от пуль тоже хватало. И водитель, и раненые, которых там было, судя по всему, битком, так и остались внутри – сначала нашинкованные пулями и осколками снарядов, затем сгоревшие. Точнее – горящие.

Наружу успела выскочить лишь одна медсестричка, ныне лежащая ничком на заросшей пожухлой травой обочине метрах в пяти от неторопливо разгорающегося автобуса. Вывернутое набок миловидное, но уже неживое, словно у восковой куклы, личико с широко распахнутыми голубыми глазами, в которых навеки застыло не передаваемое словами удивление. Прилипшие к роговице пылинки. Рассыпавшиеся в пыли русые волосы. Приоткрытый рот и отчетливо заметная на пыльной коже ниточка слюны, тянущаяся куда-то под щеку. Нижняя часть тела, начиная от поясицы, лежала под явно не предусмотренным человеческой физиологией углом к верхней: двадцатимиллиметровый – или какие там пушки устанавливались на долбанных «Мессершмиттах»? – снаряд попал в нижнюю часть спины, практически разорвав девчушку пополам. Пропитавшаяся кровью юбка задралась, оголив нелепо разбросанные, заляпанные алыми брызгами бледные ноги в аккуратных кирзовых сапожках. А под животом, на потемневшей от крови дорожной глине...

Меня все-таки вывернуло. Блин, неужели смерти не насмотрелся?! Или вываленных в дорожной пыли человеческих кишок не видал – в хирургии ж ассистировал? Хотя, да, *такой смерти*, пожалуй, именно что и не насмотрелся: все-таки там, где я побывал, погибали в основном мужики. Пусть молодые ребята, пусть срочники и контрактники, но все ж мужики.

А потом я на коленях подполз к погибшей девчонке, которой от силы было лет семнадцать-восемнадцать, вряд ли больше, и накрыл не тронутое войной лицо валявшейся тут же пилоткой. И, поднявшись на ноги, двинулся в сторону полуторки, совершенно автоматически подобрав и перекинув через плечо брезентовую медицинскую сумку с красным крестом на боку. Ей уже без надобности, а вот нам с поручиком может и пригодиться.

Вернувшись к «газону» и немного придя в себя, свистнул Гурскому. На душе было пусто, мерзко и откровенно тоскливо. Да, и еще жутко хотелось надраться до изумления. Кстати, интересно, какой сейчас месяц? Июнь? Или все-таки уже июль? Вопрос, какой год, меня отчего-то вовсе не волновал: и без того понятно, что сорок первый. Одна тысяча девятьсот который. Вот же, блин, и почему я, спрашивается, эту фиговину с поддельным рубином сразу у поручика не отобрал? Заныкал бы в доме – и ничего б не случилось.

«Угу, – как водится, не к месту, немедленно отозвался внутренний голос. – Тогда б ты уже потихоньку остывал с пуль в груди в той кафешке. Или, допустим, не ты, а прикрывший тебя поручик. Так тебе легче б стало? Нет, ну вот ответь, хоть самому себе, но ответь – легче?»

Кстати, да, тоже верно. Как ни крути, но Гурский мне жизнь спас. И выжил он исключительно оттого, что, уходя из дома, запихнул в карман свою «счастливую» брошку, чтоб ее... Бли-ин... Все одно к одному...

– Виталий, ты... – Выбравшийся на дорогу поручик перевел удивленный взгляд с меня на расстрелянный грузовик и горящий автобус и негромко охнул: – Значит, все-таки война, да?

– Причем самая настоящая, настоящее некуда. Какая именно, объяснять, или сам догадаешься?

Гурский неопределенно пожал плечами:

– Я видел подобные авто в хронике по телевизору. Полагаю, Вторая мировая?

– Правильнее уж говорить Великая Отечественная, – буркнул я. – Живых тут нет, но грузовик давай осмотрим. Погляди, что в кузове, только быстренько. Особо задерживаться не стоит.

Подозрительно косясь на горящий автобус, Гурский встал на заднее колесо и довольно ловко забрался в кузов, заставив полуторку едва заметно качнуться. Я же занялся кабиной. С трудом – то ли замок заедал, то ли подобное здесь считалось нормой – распахнув скрипнувшую петлями дверцу, перевалил тело шофера назад, на дерматиновую спинку сиденья. Мертв, конечно. Судя по изодранной на спине вылинявшей гимнастерке с белесыми следами пота, как минимум две пули из авиационного пулемета. Отстегнув пуговицу, забрал из кармана порядком истертую по углам солдатскую книжку – водила немолод, определенно не срочник. Пожалуй, что даже за тридцатник мужику перевалило. Прости, боец, большего сделать не могу... Оружие? А нет, или не возил с собой, или в кузове – с «трехой» в кабине не особо развешешься. Вроде бы где-то читал, что в начале войны оружия шоферам (ударение, согласно местным реалиям, на первый слог) вовсе не выдавали.

Опустив взгляд, наткнулся на висящую на узком черном ремне флягу. Ну, пожалуй, пригодится... поколебавшись, снял вместе с ремнем. Фляжка оказалась непривычного мне по армии дизайна – стеклянная, со смешной резиновой пробкой-затычкой.

Торопливо обойдя грузовик, склонился над офицером... ну, то есть командиром. Судя по эмалевым кубарям, при жизни тот числился лейтенантом, а вот каких именно войск, я не разобрал – эмблема оказалась незнакомой. Пехота, скорее всего. Не знаю, как водила, но этот умер сразу: пуля попала точно в затылок. Поскорее отведя взгляд от наполовину снесенного черепа, аккуратно извлек из кармана документы. Кобура на поясе? Отлично, надеюсь, что «ТТ». А вот

и нет, облом – самый что ни на есть легендарный «наган». Ну и ладно, Гурский порадует. Интересно, запасные патроны где? А я бы на его месте как поступил? В кармане таскал или в полевой сумке?

Стараясь не особенно тревожить погибшего, снял с него планшетку. И, чуть подумав, португее. Таскать револьвер в кармане или за поясом – глупость, причем редкостная. Так, с этим разобрались. Интересно, отчего Гурский подозрительно затих?

И тут же, словно отзываясь на мой мысленный призыв, из кузова раздалось сдавленное: – Виталий! Он еще жив!

Мгновенно взлетев на спущенные задние колеса, я глянул через борт. Поручик сидел на дощатом полу, держа на коленях голову красноармейца. Боец лежал поперек кузова, согнув в коленях ноги в обмотках. Гимнастерка в области живота и на груди потемнела, обильно пропитавшись кровью. Спустя секунду был уже в кузове – медик все-таки, клятву Гиппократ давал. Да и вообще, это первый встреченный в этом времени живой человек. Живой, но и не жилец, увы: одного взгляда под задранную гимнастерку хватило, чтобы это понять. При такой жаре, отсутствии квалифицированной хирургической помощи и банальных антибиотиков – не жилец. Что такое перитонит, все знают? Так вот, это именно он, начальная стадия. Кишечник наверняка разорван пулями или осколками снаряда, внутрь попали обрывки ткани и перебитого ремня – вон он, рядом валяется, вместе с подсумками и еще одной флягой в вылинявшем чехле. Да, собственно говоря, до перитонита и не дойдет. Наверняка раньше умрет от потери крови и болевого шока, тут, как говорится, к гадалке не ходи. Не жилец.

Встретившись взглядом с Гурским, я отрицательно качнул головой. Поручик понял, кивнув в ответ:

– Пить все время просит. Бредит, полагаю. Но нам, помнится, говорили, что раненым в живот пить давать нельзя.

– Ему уже все можно, – я кивнул на флягу. – Вообще все. Напои его.

– Точно?

– Без вариантов, Коля. – Я отвернулся. Захотелось курить, впервые за десять лет, прошедших с того времени, когда я всеми правдами и неправдами бросил эту гадкую привычку. А еще сильнее – нажраться в хлам, лелея слабую надежду очнуться с похмельем уже в своем времени. Угу, прямо сейчас...

За спиной раздались судорожные глотки, и я поспешил отвлечься от происходящего, разглядывая несколько брезентовых тюков, разбросанных по кузову. Интересно, что ж они такого везли? Вряд ли что-то ценное, уж больно вид непрезентабельный. В мою армейскую бытность в подобных баулах разве что форму перевозили, причем бэушку. Например, из госпиталя после прожарки в автоклавах. О, а вот это уже интересней: под самым бортом валялась трехлинейка с примкнутым по-походному штыком, видимо, шофера или умирающего бойца. Ну, уже что-то, оружием мы, похоже, на первое время разжились. Жаль, ни одной гранаты нет – кстати, интересно, почему так?

– Виталий...

Оглядываясь я не спешил. Знал ответ.

– Он... умер...

Я оглянулся:

– Коля, забери из нагрудного кармана документы. Что в мешках, не смотрел?

– Кажется, обувь или нечто подобное, не успел внимательно рассмотреть, право. Увидел раненого, решил, что он нуждается в помощи... ну, вот и...

– Понятно. – Я решительно склонился над ближайшим баулом.

Ого, именно что форма, гимнастерки и галифе вперемешку. Ну, в смысле не совсем вперемешку, каждые пять пар крест-накрест перетянуты бечевкой, но сам факт, как говорится. Не новая, правда, то самое «хб-бу», скорее всего, из госпиталя после спецобработки и везли,

верно я угадал. А ведь переодеться нам ой как требуется, поскольку в реальности сорок первого года щеголять в джинсах и футболках несколько опасно для физического здоровья, причем в самом прямом смысле. Теперь бы еще обувь отыскать, не в кроссовках же рассекать. А к ботинкам или сапогам еще и портянки нужны, между прочим, или эти, как их там, обмотки?

– Наверное, пора уходить? – тусклым голосом осведомился из-за моей спины поручик. – Ты ведь говорил, не стоит надолго задерживаться?

– Согласен, Николай Павлович. И, ежели ты мне поможешь отыскать обувь, так и поступим. Только вопросов пока не задавай, хорошо? Все – потом.

– Вон тот тюк, у заднего борта. Его я раскрыть успел, там сапоги. После уж раненого увидал.

– Тогда уходим. – Перекинув через борт тюк с одежкой, я отправил следом указанный белогвардейцем баул с обувью. – Давай вниз.

Поручик безропотно спустился на обочину.

– Держи. – Я протянул винтовку и перебитый, заляпанный кровью ремень с патронными подсумками. – Вон там, возле колеса, еще планшетка и портупея. Оттащи все в кусты и жди меня. Я скоро. Только к автобусу не ходи, ладно?

– Почему, Виталий?

– Сказал же, вопросы – потом. И так задержались. Просто не ходи.

– Не понимаю...

Я мысленно пожал плечами: а, собственно говоря, кто я такой, чтобы ему что-то запрещать?

– Да не знаю я. Подумалось вот, что не стоит тебе *это* видеть. Но если хочешь – иди и смотри. Только быстро.

Более не глядя на поручика, я опустился на колени перед умершим бойцом и закрыл ему глаза, невидяще глядящие в лазуревое небо, выбеленное летним солнцем. Посидел несколько секунд, но молитва не выходила. Потому просто размашисто перекрестился: «Прощай, братишка. Все вы прощайте. Извините, но нам эти шмотки нужнее. А помочь я вам ничем бы не смог, так что просто простите. И вы, и те, кто в автобусе сгорел, и та девчонка. Покойтесь с миром, а мы отомстим, обещаю». В глубине души я понимал, что нужно вернуться к автобусу и забрать у безвестной медсестры документы. Но не мог. Вот как хотите понимайте, но не мог заставить себя вернуться туда еще раз; не мог, и все тут! Как там говорится: «Это было выше его сил»? Вот именно. Выше моих сил...

Несколько раз сильно сморгнув, я перепрыгнул через борт.

Гурский медленно возвращался от автобуса. Ветер стих, и шлейф ставшего черным, поистине похоронным, дыма почти вертикально поднимался в небо – автомашина наконец разгорелась по-настоящему. Что ж, возможно, так даже и лучше. Пусть видит. Это не черно-белая хроника на экране телевизора или компьютерном мониторе. Это цветная жизнь, и цветная война... впрочем, ему ли не знать? Полагаю, он и на той войне вдоволь насмотрелся.

– Уходим, иначе нарвемся на свою голову. Кстати, держи, возвращаю долг. – Я протянул Гурскому портупею вместе с кобурой. – «Наган», практически как твой.

– Спасибо, – вяло прореагировал тот. – Виталий, я видел...

Так, вот только этого сейчас не хватало! Хотя несколько минут назад и я, помнится, тоже был несколько, гм, неадекватен...

– Так, а ну-ка, поручик, взялись. – Я кивнул ему на один из баулов. – Уйдем подальше от дороги, там и поговорим. Ну?!

Гурский послушно подхватил мешок, закинув за плечо винтовочный ремень. И потопал первым, прокладывая дорогу. Я же, идя следом, совершенно неожиданно подумал, что наше с ним появление в прошлом определенно началось с самого настоящего «рояля в кустах», как называли подобное сетевые «литературные критики» моего времени: едва попали, так сразу и

одежка нам, и сапоги, и оружие какое-никакое! Вот только ухмыляться отчего-то не хотелось: мешало увиденное возле горящего санитарного автобуса. Да и руки стоило б вымыть: чужая кровь неприятно стягивала кожу, и, казалось, я ощущал ее острый железистый запах. Еще по той, прошлой (или теперь уже будущей?), войне я помнил и это ощущение, и этот запах. Даже с учетом того, что до ее начала оставалось более семидесяти с лишним лет...

Наверное, именно поэтому, таща вместе с поручиком сквозь заросли два тяжелых брезентовых мешка, я вдруг с какой-то холодной расчетливостью окончательно понял: шутки кончились. Я – на войне. На той самой, Легендарной и Великой, память о которой завещана нам дедами и прадедами и которую мы порой теряли... и снова находили. Всего три слова. Я. На. Войне. Остальное, собственно, уже неважно. По фиг, если проще сказать.

Вот только отчего ж так хочется выматериться?! Страх? Да, именно страх. Неожиданно я ощутил, насколько мне страшно, и внезапно успокоился. Вот не поверите, вообще успокоился! Эдакий парадокс. Просто принял происходящее – и все встало на свои места. Единственное, что радовало: пожалуй, я знал, что делать. Нет, я не собирался прорываться в Москву и рассказывать товарищу Сталину о коварном Хрущеве, подонке Гудериане, необходимости введения промежуточного патрона и командирской башенки на «Т-34» или убеждать Лаврентия Павловича ускорить разработку атомного проекта. Все это предки прекрасно сделали и без нас. Да и песен глубокоуважаемого мной Владимира Семеновича я почти не помнил. Любить – любил, слушать – слушал, но наизусть не заучивал.

Мне оставалась, собственно, самая малость: попытаться сделать так, чтобы дата Великой Победы приблизилась хоть на несколько дней, недель или месяцев. Поскольку цена этому исчислялась десятками, сотнями и тысячами жизней советских бойцов.

Правда, еще оставалась семья. Моя семья, жена, сын и живущие в сотне километров от города старенькие родители. Угу, вот именно, что «оставалась». В будущем. Пока еще не состоявшемся. И вовсе не факт, что теперь оно вообще состоится. Ну, ежели мы, конечно, не в параллельном мире, о котором так любят рассказывать наши писатели-фантасты.

«Так, стоп, – одернул я себя. – А вот об этом – не думать. Вообще не думать! Не забыть – просто не думать! Временно. Слишком страшно, слишком тяжело, слишком непонятно. Сначала нужно выжить и понять, что происходит. Разобраться, есть ли возможность вернуться в конце концов, есть эта непонятная брошка, которая хрен пойми каким образом перебрасывает людей во времени. Но это – после. Пока же необходимо просто выжить. Главное – не думать о семье, не вспоминать, иначе сойду с ума. Причем быстро и качественно».

Ну а поручик? Пусть поступает, как сочтет нужным. А «сочтет» он очень и очень скоро: я, конечно, не психолог, но то, как он ведет себя после нашего переноса, однозначно говорит о ведущемся в его душе внутреннем споре. С одной стороны, проклятые большевики, расстрелянный вместе с семьей государь и попранная империя, с другой – вероломное нападение и чудовищные преступления «продвинутых европейцев». Да и недавно просмотренная документалистика пошла впрок, не говоря уж об увиденном сегодня. Полагаю, та неведомая девчушка возле автобуса сумела, сама о том не подозревая, неслабо вправить ему мозги. А я? А я трус. Я струсил, хотя должен был вернуться туда и забрать ее документы...

Но в одном я был абсолютно убежден: воевать против столь нелюбимых «краснопузых комиссаров» он уже никогда больше не станет.

Глава 5

И зовет нас на подвиг Россия, веет ветром от шага полков...
В. Лазарев

Через полкилометра интенсивного движения мы остановились, найдя подходящую полянку. Чуть в стороне журчал крохотный ручеек, что тоже было не лишним: стоило набрать воды да и умыться. Забираться и дальше в лес, расположенный в непонятно какой местности, смысла не имело: только заблудиться для полного счастья не хватало без еды. Всю дорогу поручик топал молча, сосредоточенно сопя под нос и, видимо, о чем-то напряженно размышляя. Я, разумеется, с вопросами не лез – вот только полемику разводить не хватало. Самое время.

Сбросив с плеча лямку одного из баулов, я с удовольствием растянулся на траве, привалившись к мешку спиной. Рядом расположился поручик, уложив на колени винтовку. Несколько минут молчали, отдыхая, затем Гурский заговорил:

– Виталий, я все же хотел бы спросить...

– Ну так и спрашивай, время пока есть, – пожал я плечами, подставляя вспотевшее лицо под ласковые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь древесные кроны. Ух, хорошо-то как!

– Послушай, там, на дороге... я ведь видел на боку и на крыше того автобуса знак Красного Креста. Почему же пилот открыл огонь? Он не мог не заметить.

– Да потому и стрелял, что знал, что цель беззащитна и в ответку он ничего не получит, разве что пару неприцельных винтовочных пуль.

– Но это же ужасно, Виталий! Просто чудовишно!

– Бывало... ну, то есть будет и хуже. Я ведь тебе про сожженные вместе с жителями деревни рассказывал? Концлагеря в Интернете видел? Ну вот, примерно так и будет.

– Это... – Поручик замолчал, видимо, подбирая слова. – Это не война, это просто какая-то бойня! Безумие...

– Ой, можно подумать, на твоей войне было что-то другое, Коля. Я, конечно, не великий историк, но примерно помню, что происходило в Крыму в те годы. Ты «ледовый поход» прошел, верно? Корнилов ведь отдал приказ пленных не брать, так? Было же? Было. И не брали. Каледина, полагаю, тоже помнишь. А в других местах? В той же Сибири, например? Или на Дону – казачки, помнится, тоже особой добродетелью к врагам своим краснопузым не страдали? Да и вообще, ты ведь у нас образованный, историю, полагаю, учил – вспомни хотя бы Французскую революцию. Там тоже кровушки человечьей пролилось ой-ей-ей сколько. И как шуаны с фонарями по полю от выстрелов бегали, и как передвижные гильотины по Франции ездили, а?

Поручик молчал, то ли переваривая информацию, то ли соглашаясь.

– А вообще... знаешь, Коля, я уже давненько пришел к выводу, что большая часть нашей – ну, человеческой в смысле – истории не меньшее безумие, чем то, что происходит сейчас. Да и не только сейчас, но и в мое время тоже – ты просто не успел об этом узнать.

Помедлив, Гурский негромко спросил:

– Расскажешь?

Прежде чем ответить, я тоже выдержал паузу: ну и о чем я могу ему рассказать? Про бездарно прос...ную кучкой зажавшихся или перекупленных заокеанским капиталом партийных бонз великую державу? Про безумные девяностые, когда некогда великую армию великой страны практически уничтожали и солдаты-срочники в дальних гарнизонах голодали и страдали от авитаминоза и чуть ли не цинги, словно зеки в лагерях? Когда в частях РВСН отключали электроэнергию и командир части высылал вооруженный наряд к распределителю, чтобы этого не допустить? Когда за долги оставляли без тепла и света целые воинские части вместе

с жилыми городками, но солдаты и офицеры молча сидели и ждали, хотя могли бы взять в руки оружие, но оставались верны присяге и долгу перед Родиной? Когда летчики годами не поднимались в небо просто потому, что не было керосина?

Или, может, рассказать ему про «гуманитарные бомбардировки» Югославии в тех же девяностых? Про разнообразные «цветные революции»? Про Ближний Восток нулевых? Про события недавнего времени на братской Украине, залившие восток страны кровью тысяч невинных людей – детей, стариков, женщин? Про всемирное рабское поклонение зеленым бумажкам с портретами давно почивших президентов? О чем же тогда?

– Может, и расскажу. Но не сейчас. Ты мне лучше скажи, с винтовкой все в порядке? А то что-то мне подсказывает, что оружие нам может понадобится. Я-то в таком старье, увы, не разбираюсь, только в музее и видел.

– Сейчас гляну, Виталий. – Не прореагировав на «старье», поручик сочно клацнул затвором, осматривая трехлинейку.

– Ну, тут все в порядке, хоть сейчас в бой. И патронов прилично, почти полсотни в подсумках. Да, прости, что не поблагодарил сразу – спасибо за револьвер. Жаль, патронов всего семь.

– Хорошо, что напомнил. – Подтянув к себе полевую сумку, я вытянул из петельки фиксирующий ремешок и откинул клапан. – Поглядим, что внутри, может, и боеприпасы к твоему короткостволу отыщутся.

Уже привыкший к множеству непонятных слов Гурский смолчал, с интересом наблюдая за моими изысканиями. Патроны и на самом деле нашлись, целые три узкие картонные коробочки с не вызывавшей сомнений надписью «Револьверные патроны, калибр 7,62-мм. 14 штук». Поскольку ничего подобного я раньше не видел, ради интереса вскрыл одну. Патроны в коробке оказались расположены в шахматном порядке, один капсюлем кверху, второй наоборот. Из горлышек зауженных кверху длинненьких латунных гильз виднелись заглубленные плоские головки пуль.

Помимо боеприпасов в планшете обнаружилась чистая школьная тетрадка в линейку, пара очиненных карандашей, с десятков патронов к трехлинейке россыпью, половина с зелеными вершинками, половина с красными, банка рыбных консервов, простенький перочинный нож с одним лезвием, початая пачка «Беломорканала», коробок спичек, три завернутых в выдавший виды носовой платок сухаря и сложенная пополам газета. Карты, на которую я тайне надеялся, не нашлось. С другой стороны, если б и нашлась, толку-то? Все равно не к чему привязаться, а значит, и определить свое местоположение – времена GPS и прочих ГЛОНАСС канули в небытие.

Кстати, смешно – только сейчас я неожиданно понял, что за все это время ни разу не вспомнил о столь привычном любому человеку двадцать первого века мобильнике. Усмехнувшись про себя, вытащил из кармана джинсов телефон, убедившись, что соответствующая пиктограмма на экране сообщает о поиске сети. Выключив сотовый, хотел было зашвырнуть его подальше в кусты, но передумал – незачем такие следы оставлять, еще найдет кто. Это ж артефакт почище, чем в компьютерной игрушке «Сталкер»...

А вот газета – интересно. Куда более интересно, чем отсутствующая карта. Хотя какая-то информация, может, узнаем наконец, *когда* именно находимся. Звучит коряво, признаю, но вопрос именно так и стоит: «Когда?» А «где» по большому-то счету не столь и важно. И так понятно, что или Украина, или Белоруссия.

Порядком истершаяся на сгибах газета оказалась «Правдой», датированной четвертым июля сорок первого года. Четвергом, как выяснилось. Что ж, чего-то подобного я и ожидал. Всю передовицу занимала большая, в половину страницы, фотография Сталина и текст его знаменитого выступления. Того самого, что начиналось со слов: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» В шапке (оказы-

вается, в те годы никаких орденов рядом с названием газеты не было и в помине), справа от набранного памятными по моему детству и юности буквами заголовку «ПРАВДА» – еще один призыв: «Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» О как... что ж, буду знать. Увлекаясь историей, я как-то даже не подозревал, что придется поддержать в руках оригинал *того самого* номера газеты. Кстати, интересно, какое сейчас число? Ведь неведомый лейтенант, расстрелянный в полutorке, мог таскать ее с собой и месяц – вон как истерлась. Но, скорее всего, сейчас все-таки июль.

Протянув газету поручику, я сложил найденное добро обратно. Кстати, насчет патронов: если ничего не путаю, зеленый окрас головки пули – трассер, красный – пристрелочно-зажигательная. Могу и перепутать, конечно, но, скорее всего, так. Что ж, вполне могут и пригодиться, смотря что именно мы с милейшим Николаем Павловичем собираемся далее предпринимать. Ежели заниматься партизанской и иже с нею деятельностью в тылу врага, тогда точно сгодятся. Подозреваю, что бензобаки и прочие соломенные крыши от попадания подобной пули должны вполне так себе недурственно гореть.

Туда же отправил, бегло проглядев, и документы погибших на лесной дороге бойцов, рядовых Новорощенко Виталия Степановича (водила полutorки), Иванова Семена Кузьмича и лейтенанта Лукина Николая Андреевича. Шоферу, как я и предполагал, оказалось аж целых тридцать пять лет, остальным – одному восемнадцать, второму – двадцать один. Служили все трое в шестьдесят девятом стрелковом корпусе. Кстати, шофер, несмотря на невысокое звание, успел на Финской побывать.

– Странно, Виталий... – зашуршав газетной бумагой, подал голос поручик, видимо, прочитавший сталинскую речь. Кстати, быстро он, молодец: первые дни, помнится, едва не по слогам читал без всех этих привычных ему «ятей» и «еров». – Право же, у меня определенно дежавю. Не поверишь, но нечто подобное я уже читал однажды, и тоже в газете. В моем времени, разумеется. И касалось оно, кстати, тоже начала войны с Германией.

– Что? – искренне не понял я. – Что еще за дежавю? И в какой это газете в своем времени ты мог читать речь Сталина?

– Да не Сталина, – поморщился тот. – При чем тут Сталин? Я про самодержца российского.

– Поясни? – понятнее мне не стало.

Гурский криво ухмыльнулся:

– Видишь ли, если память не изменяет, двадцатого или двадцать первого июля четырнадцатого года Николай Второй издал манифест о войне. Ну, если упрощенно, это когда Австрия начала бомбардировки Белграда и Германия объявила нам войну. Так вот, там тоже был портрет государя на первой странице, как раз примерно такого же размера. И текст высочайшего манифеста, собственно.

– Ну и к чему ты это? – Я аккуратно сложил протянутую газету и спрятал ее в полевую сумку.

– Да вот, знаешь, подумалось вдруг... – Поручик определенно выглядел несколько смущенным. – Этот твой Сталин хоть и тиран, но обратился «братья и сестры», а император – «наши подданные». Иными словами, он к подданным обратился, а Сталин – к народу, к которому причислил и себя самого, понимаешь?

– Николай Павлович, да ты, гляжу, прямо на глазах становишься все более политически подкованным. – Не сдержавшись, я громко фыркнул. Нет, по-умному-то, разумеется, не стоило его лишний раз доставать, но вот само вырвалось, честное слово. – Того и гляди вовсе большевиком станешь.

– Не юродствуй, пожалуйста, – негромко буркнул тот, глядя в сторону.

Смущенно хмыкнув, я легонько тронул его за плечо:

– Прости, Коля, похоже, и на самом деле глупость сморозил. Не обижайся.

– Да я и не обижаюсь, – также равнодушно передернул Гурский плечами. – Какие уж тут обиды. Просто, полагаю, ирония совершенно не к месту, вот и все. Кстати, держи, я видел, как ты забирал документы у павших подле авто. – Поручик протянул мне солдатскую книжку.

Еще ничего не понимая, я раскрыл ее, вчитываясь в заполненные от руки строчки: «Гвоздева Вероника Матвеевна, 1923 года рождения. Санинструктор». И тут до меня дошло:

– Коля, это что, той девочки?! Ну, там, возле автобуса?

– Да, – не глядя на меня, кивнул поручик. – Мне показалось, что так будет правильно. Ты ведь не забрал.

– Знаешь, я не смог...

– Да я понял, Виталий. Ты просто не был на настоящей войне. Вернее, был, но не в качестве солдата. А вообще? Знаешь, ты прав. Я видел многое, очень многое. Меня, увы, не удивить кровью и зверствами. Просто, попав в твоё время и проведя там несколько дней, я хотел все забыть, просто выбросить из памяти, хотя бы ненадолго. Мне казалось, что получится, я даже почти в это поверил. Но сегодня убедился, что сие тщетно: война продолжается, война во мне самом. Она не отпустит. И снова будет все то же самое: кровь, смерть и страдания. А помянутая тобой Французская революция? Это прошлое. Сейчас все иначе. Особенно сейчас. – «Особенно» поручик заметно интонировал.

Поднявшись на ноги, Гурский отставил в сторону винтовку и кивнул на принесенные баулы:

– Кстати, а зачем нам вся эта одежда?

– Ну, вся нам и даром не нужна, а в остальном – разве сам не догадываешься? На дворе сорок первый год, так что мы как бы не совсем по моде одеты. А ты вон еще и джинсы кровью измазал.

– А знаки различия? – немедленно врубился в тему куда более подкованный поручик. – В армейском обмундировании, но без погон... то бишь, пардон, без принятых у большевиков петлиц... Как боевой офицер я скажу, что далеко мы не уйдем – в глазах первого же встреченного кадрового офицера будем выглядеть сущими дезертирами, если вовсе не шпионами. И если он нас тут же расстреляет по закону военного времени, то будет абсолютно прав.

– Вот сейчас и поглядим... – буркнул я, в душе признавая правоту поручика. Гм, об этом я как-то не подумал, да и авторы многочисленных книг «про попаданцев» не слишком-то акцентировали внимание на подобных мелочах. Нет, переодеться-то, конечно, стоит, но и щеголять в форме без знаков различия тоже не слишком разумно: Гурский прав на все сто – первый же встреченный окруженец в командирском звании за предателей примет. К стенке, конечно, не поставят, нет в лесу стенок, а вот шлепнуть у ближайшей сосны или патриотической березы вполне могут.

Нет, легенду-то выдумать несложно: допустим, мы оба с ним мобилизованные, нас успели обмундировать и отправили в часть. До которой мы не доехали, попав под немецкий авианалет. Колонну раздолбали «мессеры» (интересно, этот термин тут уже в ходу? Не факт, так что лучше говорить просто «немецкие самолеты», без конкретики), уцелевшие разбежались по лесам, а мы с товарищем, осознав, что оказались во вражеском тылу, прорываемся к линии фронта.

Ну а что? Вполне себе версия. Насколько понимаю, в неразберихе первых военных месяцев бывало и похуже. Проблема всего одна, зато глобального характера: мы просто тупо не знаем, где находимся! А без этого все рассуждения о «поисках своей части» или «прорыве к линии фронта» выглядят, мягко говоря, несерьезно. Кровь из носа нужно узнать, куда именно мы попали. А заодно придумать, почему у нас нет документов. Хотя относительно последнего есть вариант: документы были у погибшего командира и сгорели вместе с расстрелянной машиной.

Впрочем, имеется и другой вариант, пусть и ненамного, но все же более безопасный для нас... Идея эта мне, скажу прямо, категорически не нравилась – исключительно из моральных соображений, – но если ничего иного не останется, то можно воспользоваться документами погибших на дороге красноармейцев. Мне придется выдать себя за водилу расстрелянной полуторки, благо по возрасту – самое то. Конечно, я старше его почти на десятилетие, но в этом времени мужики обычно выглядели старше своих лет. А поручик станет лейтенантом Лукиным. Тут и вовсе попадание в «десяточку»: и возраст, и звание практически один в один. Да и командовать умеет, если что: фронтовик все ж таки. Что ж, пожалуй, этот вариант все же лучше. Как ни тяжело на душе, но лучше. Да и номер части знаем, уже меньше выдумывать придется.

Изложив поручику свои соображения (идея с документами погибших ему тоже особенно не импонировала, однако он признал, что это – вполне так себе вариант), я развязал баул с формой и вывернул содержимое на землю.

Снова посоветовавшись с Гурским, я перебрал с десятков бэушных комплектов, видимо, и на самом деле после «прожарки» в госпитале, и подобрал более-менее подходящие по размеру. Поручику – с малиновыми с черным петлицами, пехотными, мне – черными с красным кантом, автобронетанковыми. Шофер я или где? Практически, блин, танкист... Кстати, проблема, как выяснилось, крылась вовсе не в петлицах, а в отсутствии эмблем родов войск: на большинстве гимнастерок их вполне предсказуемо не имелось. Но тут нам откровенно повезло: некоторые петлицы оказались с эмблемами, которые, подозреваю, просто поленился содрать перед обработкой какой-нибудь местный санитар. За что ему огромное попаданческое спасибо. Униформу я, разумеется, выбрал наиболее поношенную – во избежание, так сказать. В итоге поручик стал вполне так себе лейтенантом-пехотинцем (зеленые, то бишь полевые кубари пришлось позаимствовать с гимнастерки кавалериста), а я – рядовым автобронетанковых войск.

Закончив с формой, занялся ревизией санитарной сумки погибшей медсестрички: между прочим, весьма полезная вещь. В конце концов, даже если я простой шофер, может, у меня батя врачом был, вот и научил сына повязки накладывать да уколы делать. Ну, я и подобрал у расстрелянной колонны сумку, чтобы боевым товарищам помощь оказывать. Кстати, что у нас тут? Так, четыре перевязочных пакета в вошеной бумаге, резиновый жгут для остановки кровотечения, вата, металлическая коробочка с парой многоразовых шприцов и иглами – в детстве я и сам подобные застал – и бутылочка с притертой пробкой, судя по всему с йодом. И еще одна, грамм на сто, со спиртом. Ну, хоть что-то.

В небольшом внутреннем кармашке обнаружили и немудреные личные вещи: несколько писем, еще не фронтовых треугольников, а обычных прямоугольных, с марками, зеркальце, полупустая жестяная пудреница, граненый цилиндр губной помады и расческа с парой застрявших в зубчиках русых волос. Ощувив, как предательски защипало глаза и в горле застрял вязкий комок, я поспешно убрал все обратно. Глупо, конечно, таскать с собой женские вещи, но не выбрасывать же? Отчего-то мысль показалась кощунственной... ладно, спрячу где-нибудь.

– А знаешь, пожалуй, нам и на самом деле стоит придерживаться этой версии, – неожиданно подал голос поручик, отвлекая меня от грустных мыслей. – Право же, подобная трактовка наших приключений вполне может сойти за правду. Сопровождая санитарный транспорт, попали под авиационный налет. Уцелели только мы вдвоем, поскольку ехали в головной машине, а немецкий аэроплан сперва ударил по автобусу. Все погибли, а мы прорываемся к своим. Вроде бы ничего необычного – офицер и его шофер, правда? Не слишком похоже на шпионов или диверсантов?

– Командир, – автоматически поправил я. – Звание «офицер» Сталин вернет только в сорок третьем.

– Да, прости, командир. Как тебе?

– Шикарно, Коля. Практически не подкопаешься, – криво усмехнулся я. – Кроме одного: ты хоть примерно представляешь, где мы находимся? И где именно к своим прорываемся: в Белоруссии, на Украине? Сам посуди: ну не можем же мы этого не знать? Полагаю, идея с контузией не прокатит – нас на этом любой особист... – увидев непонимание на лице поручика, пояснил: – Ну, то есть контрразведчик на раз расколет.

– Проблема, – согласился Гурский, закончив подгонять обмундирование. Ну да, ему проще, униформа рабоче-крестьянской не столь уж сильно и отличалась от привычной ему. Всяко не мой привычный камуфляж-«флора» времен второй чеченской. Нет, офицерский френч сидел бы куда лучше, но, как говорится, за неимением гербовой подтираться можно и писчей. На мне же и гимнастерка, и заправленные в яловые сапоги (без портянок, что характерно и не есть хорошо) галифе сидели, мягко скажем, как на корове седло. Хотя, возможно, так оно и лучше: я ж не кадровый, а просто шофер. Ну, или шофер, ага. Мне, главное, машину в нормальном состоянии содержать, а не по плацу вышагивать.

Поручик же – с явно видимым удовольствием – натянул португую с кобурой, вполне профессионально ей перепоясавшись. Полевая сумка, ясное дело, тоже досталась новоявленному «лейтенанту Лукину». Я же нацепил на себя солдатский ремень с подсумками и флягой. Вот же блин, это что, мне теперь и трехлинейку на себе тащить? Вот не было печали... а оно мне надо?!

Уже когда совсем было собрались выступать, поручик неожиданно осведомился:

– Виталий Анатольевич, тебе сапоги как, не жмут?

– Что? – В первый момент я искренне не понял, о чем он.

– Да то, что без портянок ты и версты не пройдешь. Сапоги, да на ноги в тонких носочках – это, поверь моему опыту, совсем беда. Ступни в кровь сотрешь – и дальше как? На плечах я тебя далеко не унесу.

– Есть варианты? – угрюмо буркнул я, признавая его правоту. С другой стороны, я разве виноват, что служил в те времена, когда обуваться полагалось в берцы и носки? Дубовые солдатские кирзачи я, разумеется, быстренько сменял у знакомого прапора-каптерщика на нормальные шнурованные ботинки, но о портянках тем не менее и слыхом не слыхивал.

– На первое время есть, – серьезно кивнул Гурский. – Сейчас распустим пару самых застиранных гимнастерок – там ткань помягче, благо нож у нас есть, – пояснил он в ответ на мой удивленный взгляд. – Но после все одно следует найти нормальные портянки.

Хмыкнув, я лишь развел руками: крыть было нечем и незачем. Опытному фронтовику из двадцатого года всяко виднее. А вот неизрасходованную униформу вместе с нашими «попаданческими» шмотками следовало, как минимум, спрятать. А еще лучше – уничтожить. Война – войной, но и о конспирации забывать не следует. Лейблы американских производителей на джинсах в этом времени, знаете ли, вполне могут стать весьма весомым пунктом в обвинительном приговоре: ленд-лиза-то пока нет, ага!

От идеи сжечь невостребованную одежду пришлось сразу же отказаться: во-первых, на подобное потребуется время, и немалое, во-вторых, это демаскирует, в-третьих, нам для полного счастья только лесного пожара устроить не хватает. Поскольку пехотных лопаток ни у кого из погибших красноармейцев не нашлось, а прихватить из кузова полуторки замеченную там обычную штыковую лопату я не догадался, задача неожиданно оказалась достаточно нетривиальной. Выяснилось, что даже в лесу не так-то и просто спрятать пару немаленьких брезентовых баулов с формой и обувью.

Кстати, смешно, прочитав, пусть и «по диагонали», не один роман о «попаданцах», никогда не думал, что с первых же часов пребывания в прошлом возникнет столько мелких, но трудноразрешимых проблем. Ну, вот нет у тебя, допустим, банальной лопаты – и все. Как хочешь, так и выкручивайся. Или перочинный нож: вот не найдись он в лейтенантском планшете – чем портянки из старых гимнастерок нарезать? Или банку консервов вскрыть?

В конце концов, мы просто подыскали подходящий выворотень, при падении вырванный корнями приличную ямину, где и спрятали оба мешка. Причем сначала – это уж я извратился – на самое дно сбросили нашу «будущанскую» одежду и при помощи винтовочного приклада присыпали ее землей, а уж сверху расположили баулы, в свою очередь, замаскировав их дерном и прошлогодними листьями. Вышло вполне нормально: если не искать специально, точно не найдешь. А к осени все это и вовсе станет историей. Поразмыслив, я штыком вырыл под самым стволом упавшего дерева еще одну ямку, куда после определенных душевных колебаний отправил мобильник, портмоне с остатками денег и личные вещи погибшей медсестрички: носить подобное с собой было не просто глупо, а опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.